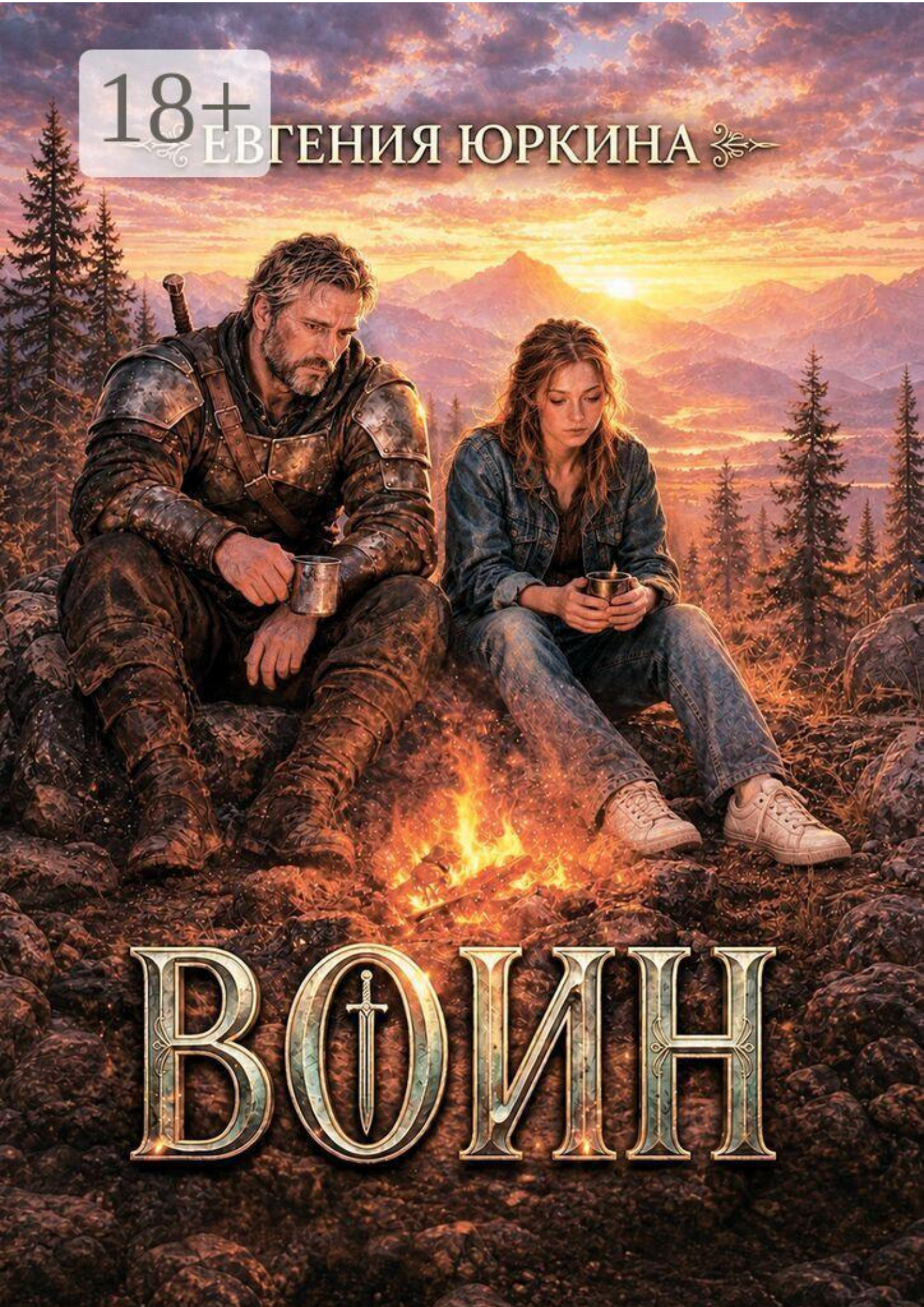
18+

ЕВГЕНИЯ ЮРКИНА

ВОИН

Евгения Юркина

Воин

«Издательские решения»

Юркина Е.

Воин / Е. Юркина — «Издательские решения»,

Тебе девятнадцать, и ты — студентка магического факультета МГУ. Твой день расписан по минутам: лекции, практикумы, тренировки, а еще лешие и водяные, которых надо курировать в черте столицы. И казалось бы, так и будет продолжаться.Но однажды на тренировке появляется Митя — двадцатипятилетний на вид парень с прошлым спецназовца тайного сыска. Его привел Орос, дух справедливой войны. Вам предстоит остановить войну, длящуюся уже пятый год…

© Юркина Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора 6
Часть I. Сущность 7
Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 18
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 35
Глава 7 39
Глава 8 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Воин

Евгения Юркина

Художник-оформитель Наталья Караванова
Корректор Наталья Болдырева

© Евгения Юркина, 2026

ISBN 978-5-0071-5401-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

С одной стороны, в романе «Воин» нет ни одного персонажа, у которого был бы прототип, и он обладал бы его судьбой. С другой, в романе есть как минимум два персонажа, при написании которых мною были использованы реальные истории из жизни реально существующих людей: Героя Российской Федерации, полковника спецназа ФСБ «Вымпел» Александра Копылова и спасателя, а впоследствии начальника КСП «Шхельда» Игоря Чересу. Искренне благодарю их за поддержку и рассказанные истории — про искусство войны и про горы.

Также хочу выразить признательность военному и просто замечательному человеку Дмитрию Хлопецкому за ликбез по оружию; моим друзьям Максиму Белоусу, Наталье Савченко, Елене Солоницыной и Даниилу Рагулину за обратную связь; спасателям отряда Центроспас, истории которых нет-нет да мелькают на страницах романа, — Николаю Никитенко, Дмитрию Кондрашову, Владимиру Кретову, Александру Попову, Алексею Скоробулатову, Геннадию Мельникову, Алексею Авдеенко и многим-многим другим — за то, что они есть. Спасибо вам, ребята! Без вас эта книга не состоялась бы.

Отдельно хотелось бы поблагодарить: Олега Поля и писательницу Марию Семенову за вдохновение и песню; протоиерея Игоря Фомина — за реперы и ликбез; искусствоведа Александру Юферову — за всестороннюю поддержку.

И последнее: неоднократно упомянутого в романе Александра Александровича Шишкина уже нет в живых. Его не стало в апреле 2026 года, и я искренне по нему скорблю. Скорблю и надеюсь, что внесла крошечную лепту в память об этом удивительном, по-настоящему замечательном человеке и легендарном преподавателе физического факультета МГУ.

Часть I. Сущность

Глава 1
в которой Вита навещает бабу-ягу

Хотелось рухнуть. Точнее, сначала все-таки добраться до блока, а потом уже рухнуть — на кровать. Вот Вита и добиралась, и каждый шаг — по темному от времени паркету в коридоре выкрашенных в зеленый цвет стен, местами вспучившихся набухшей сыростью известкой — давался с величайшим трудом. Еще бы! После учебы, пары выездов на противоположные концы Москова и в конце — тренировки. Совершенно ненужной ей, но навязанной деканом, да случится с ним все самое светлое и лелеемое в глубине души, тренировки по айкидо.

— Еще шажок, — проговаривала Вита, — еще шажок…

Но вот наконец и ее блок. Ключ долго не попадал в замочную скважину, но попытки с десятой девушке удалось направить ключ в нужное русло. Замок щелкнул, Вита буквально на бровях вползла в крошечный предбанник блока. Еще пара шагов, толкнуть дверь, и вот она — скрипучая, старая, как само ГЗ[1], но такая вожделенная кровать. На которой можно просто лежать и ничего, вот совсем-совсем ничего не делать. И игнорировать, игнорировать, игнорировать… — этот уже не надрывный писк, но сигнальную сирену.

— Леший! — Вита все-таки протянула кажущуюся неподъемно тяжелой руку и нащупала смартфон. — Вот же… леший!

А точнее, баба-яга, ее вот уже как две недели прямая обязанность по усмирению — в любом, даже таком как сейчас, полуобморочном состоянии. Маркер баб Нюры в анализаторе не просто горел тревожным красным — полыхал как кровавый закат, причем на весь север Москова.

И что делать? Вита представила, как она сейчас будет тащиться — сперва по пропахшему сырой известью и жареной селедкой коридору к лифтам, потом до выхода из ГЗ, затем по такой прекрасной и действительно бесконечно любимой территории универа до метро, и там… Стоп. Как там написано в правилах? В случае острой необходимости и в условиях острой же нехватки ресурсов допускается пойти на крайние меры — при условии, что рядом не окажется непосвященных?

Сейчас необходимость была наиострейшей, ресурсы ушли в минус, а рядом не находилось ни одной живой души, мелкий грызун по кличке Мыш, живущий у нее в комнате по собственному волеизъявлению с начала сентября — не в счет. Вита Мыша проверила, и не один раз: тот не был ни агентом, ни засланным казачком. Мыш был обыкновенной мышью, причем, положа руку на сердце, неизвестно какого пола и возраста…

…Анализатор взревел. И пусть он был «студенческим», как выразился декан, то есть тонко настроенным. Если взревел у нее, то и у конторских тоже могла загореться какая-нибудь красная лампочка. Баб Нюре надо было сообщить — что она в своей безвредной, в общем и целом, деятельности зашла куда-то не туда. И сообщать надо было не по телефону, а личным присутствием. По крайней мере, именно так наставлял Виту декан.

Собрав остатки сил, Вита встала. Доползла до сейфа. Открыла замок всего лишь со второй попытки и взяла телепортатор. Надела прибор — по виду обычный фитнес-браслет — на левую руку, нашла кнопку яги. Легкое нажатие — и вот она, хорошо знакомая вдоль и поперек комната с нарисованными синими и золотыми звездами на потолке. А в комнате — зарево, и,

[1] Главное здание МГУ на Ломоносовских горах. Включает в себя четыре факультета и общежитие.

казалось, ничего больше. Зарево, застилающее все и вся, пышущее чуть ли не всеми цветами радуги.

***

Зарево было знатным, десятибалльным, согласно анализатору.

Далеко не сразу, но Вита все-таки различила пять силуэтов, сидящих за столом и азартно черпающих ложками что-то из огромной пузатой миски.

«И ведь там не черви», — усмехнулась Вита.

Ходила, ходила по спецфакультету страшилка: мол, ест баба-яга Нюра одной ей ведомым способом приготовленных дождевых червяков, и поэтому она *такая*… О том, какая именно, каждый любитель слухов и домыслов имел свое представление. Кто-то утверждал, что страшная «как его жизнь» или, на худой конец, как Сан Саныч Шишкин на экзамене. Кто-то описывал девицу неземной, но явно заемной — у червяков? — красоты. Кто-то рисовал жуткую сгорбленную старуху. Кто-то… Впрочем, ни один домысел не имел к реальной баб Нюре отношения.

Баб Нюре, в данный момент просто радующейся встрече со старыми друзьями — за общей трапезой. И эту трапезу надо было прервать. Потому что именно трапеза и была причиной десятибалльного зарева — рождавшегося прямо над столом. Других источников Вита в комнате не нашла.

— Баб Нюра, — позвала тогда Вита.

Позвала тихо-тихо, не сомневаясь, что яга ее услышит.

Так и произошло. Яга положила на столешницу уже нацеленную было на миску ложку, и зарево пошло на убыль.

— Что-то стряслось, Витушка? — Баб Нюра подняла глаза.

Ясные серые глаза — теплые-теплые, со смешинкой. Вита улыбнулась в ответ — и самой баб Нюре, и ее черной футболке с огромными мухоморами, и даже ежику седых волос: три года тому назад яга остригла косы.

«Незачем, — сказала в ответ на ошарашенное лицо Виты. А потом нехотя добавила: — Экология в мегаполисе дурная, вот и посыпались».

«Зато здесь и сейчас атмосфера так и пышет», — хмыкнула про себя Вита. А вслух произнесла:

— Зарево на пол-Москова, баб Нюра.

— И ты примчалась меня урезонить? — усмехнулась яга.

— Предупредить же, — укоризненно покачала головой Вита, что и послужило последней каплей в наполненную до краев чашу усталости.

Вита потеряла ориентацию, покачнулась… но все-таки смогла обрести равновесие.

— С тобой все в порядке, Витушка? — Яга наконец-то заметила состояние девушки.

И те, кто сидел в комнате, тоже — обратили на Виту все свое внимание. А та, в свою очередь, на них. И на обстановку в целом.

***

В знакомой комнате — синие и золотые звезды на потолке, громадный обеденный стол, картина заговоренная, разные пейзажи да жанровые сцены показывающая, — помимо баб Нюры находилось четыре человека в возрасте.

И все они заговорили разом:

— А красавица-то какая писаная к нам пожаловала!

— И волос-то какой медно-рыжий!

— А глазищи-то, глазищи — ышь ты, синющие!

— А сама миниатюрная, вот прям статуэточка!..

— Но-но, не сглазьте мне девку! — Баб Нюра пристально так посмотрела на одну из бабулек.

Та мигом опустила глаза долу. Следом за ней и остальные гости поубавили интерес к Вите. Девушка облегченно вздохнула и… неожиданно для себя села на предложенный баб Нюрой стул. Да, ей по-прежнему очень хотелось добраться до кровати и уснуть, но любопытство перевешивало: что тут происходит? Кто все эти люди? Она этих людей, за исключением осаженной ягой бабульки и еще одной женщины, видела в первый раз, а они ишь — «статуэточка», «красавица», «пожаловала»… Еще бы сказали, что она выглядит королевишной в джинсах, водолазке и кроссовках, пусть и одной цветовой гаммы, индиго, но…

— …Ну-ка, испей. — Баб Нюра подала девушке чашку, и все вопросы к гостям яги вылетели у той из головы.

Вита с благодарностью пригубила напиток — таковым оказался бруснично-малиновый кисель — и почувствовала, как в ее измученный за длинный-предлинный день организм буквально хлынули силы. Хлынули, не оставив ни следа от жуткой усталости.

— Спасибо, ба, — искренне поблагодарила девушка.

— Не за что, — отмахнулась яга. — А теперь бери ложку и присоединяйся к нам. Продолжим разговор.

Баб Нюра, вооружившись ложкой, потянулась к миске.

— Постой-постой! — поспешила Вита остановить ягу. И увидев, что ее ложка замерла, уже куда спокойнее добавила: — Давай лучше с тарелками, а?

— А что так? — сделала вид, что удивилась, баб Нюра.

— Вот нагрянет проверка, и будешь знать, что «так», — посмотрела Вита яге прямо в глаза.

— А что увидит твоя проверка? — Баб Нюре, очевидно, хотелось продолжить странное действо. — Мы кому-то мешаем?

— Вы-то, может, и не мешаете… — Вита видеть коллег здесь и сейчас не хотела.

Потому что следующей инстанцией урезонивания были цепные псы из конторы, надзирающей в столице как за магами, так и «фольклорными элементами». А вот конторщиков, мягко говоря, недолюбливали — причем не на уровне слухов, а за дело.

— …но от этого вашего *единения*, — выделила Вита соответствующее слово интонацией, — мой анализатор включил аварийную сирену.

— Какой еще анализатор? — поджала губы яга.

Она уже поняла, что единению конец. А ведь ее друзья были уже немолоды, у всех были дела и семьи, что, кстати, долго не давало им собраться вместе. И вот когда наконец все сложилось, люди приехали, и — на тебе!

— Так приложение на смартфоне, — принялась тараторить Вита. Она видела, что баб Нюра расстроена, а потому старалась добавить градус жизнерадостности в голос. — Мне его шеф… то бишь, декан спецфакультета Городовой поставил. Если тебе интересно…

— Да поняла я про твое приложение, не совсем отсталая, — отмахнулась яга. — Ладно, пусть будут тарелки. А жаль. Так хорошо сидели.

— Да, жаль, — протянула давешняя бабулька…

И преисполнившаяся сил от чудесного киселя Вита увидела нотки упертого атеизма в ее ауре. Проглотив первое удивление, перевела взгляд на вторую — та была мусульманкой. Третий гость оказался буддистом. Четвертая гостья — христианкой. Баб Нюра и вовсе исповедовала славянское язычество.

Все это Вита считывала на автомате, способность к диагностике ауры — увы и ах, чуть ли не единственная проявленная магическая способность — у нее была с детства. И именно умение диагностировать ауру позволило ей оценить ту мизансцену, свидетелем которой она чуть раньше стала (даром что тогда она увидеть ауры не смогла по причине крайней усталости). Пятеро представителей разных конфессий, поедающих что-то там ложками из общей миски.

«М-да… — думала Вита. — Вот это единение!»

Язычников с христианами, мусульманами, буддистами и закоренелыми атеистами. Причем последние четверо магами не были, разве что у осаженной ягой бабульки-атеистки был так называемый в простонародье «недобрый глаз».

Тем не менее эти пятеро умудрились породить десятибалльное зарево, а заговоренную картину вдохновить на космические пейзажи — в духе фотографий звезд, туманностей и скоплений, какие до сих пор удавалось получить, только если вывести телескоп на орбиту.

Впрочем, скоро Вита прекратила задаваться вопросами: содержимое миски, рагу из овощей с грибами и курицей было не просто вкусным — неподражаемо вкуснющим. Голодная девушка так увлеклась ужином, что не заметила, как над столом снова поднялось зарево. Но оно было неизмеримо слабее прежнего, ведь баб Нюра не хотела неприятностей. Да и втягивать в них Виту было последним, что сделала бы яга.

***

Виту подбросили яге под дверь. Поставили корзинку и позвонили. И хоть на часах было четыре с половиной, и спала яга наикрепчайшим сном, а услышала она тот звонок — ее буквально выдернуло из сна.

Кроха была не жилец. Но яга, приглядевшись к уже мерцающей ауре младенца, решила: не позволю тебе умереть! И пусть кроха не будет принадлежать ее богам, пусть. Такие, как эта кроха, должны жить — иначе мир окончательно сойдет с ума.

Она тогда назвала девчушку Витой[2], чтобы помочь ей выжить. Справила ей документы — подключив все свои связи, а потом и задобрив-умаслив чиновников (и наверняка членов их семей, ведь чинуши запросили довольно много). Выходила, выпестовала, вырастила. Ведовству только учить не стала: не в кобылицу корм. У Виты были совершенно иные, непроявленные пока способности. Непроявленные за исключением одной: девчушка довольно быстро научилась считывать ауры. Ну а яга разъяснила ей, что к чему.

С тех пор много воды утекло. Вита выросла и поступила в МГУ на физический факультет. Там-то ее и заприметил декан спецфакультета Ростислав Никитич Городовой — по крайней мере, именно так он девушке и сказал. Он же, когда Вита проучилась первых два курса на физфаке, предложил перевод. Говорил, что рад был бы и раньше, но не позволяли правила: университет неохотно шел на отток возможных блистательных ученых, и студентам давался шанс проявить себя на научном поприще. А вот если те себя не проявят, если в них не проснется Ломоносов ли, Попов или, в случае гуманитария, Пушкин, то — пусть. Пусть переводятся куда угодно, хоть к черту на кулички, хоть на магический факультет (или спецфакультет, как его обычно называли).

***

[2] «Vita» по-латински означает «жизнь»

Гости разошлись в двенадцатом часу.

Вита и баб Нюра еще посидели, поговорили. Первым делом Вита спросила о причине повышенного внимания гостей к ее скромной персоне.

— Так знали они о тебе, Витушка, — просто сказала яга. — Так или иначе принимали участие в твоей… легитимизации.

— В чем?..

— Ну, чтобы я смогла официально стать твоей мамой, — поправила баб Нюра завиток рыжих волос.

Поправила по давнишней привычке, заложила непослушную прядь за правое ухо девушки.

— И это хорошо, — улыбнулась Вита. — Хорошо, что тебе это удалось.

Так тема сама себя исчерпала, и разговор пошел о делах насущных. О любимом обеими старом дубе в Тимирязовском парке, о том, сколько белок нашло себе пристанище в его необъятном дуплистом стволе. О мерах, предпринятых ягой по их сохранности: в районе объявились какие-то ироды, раскидывающие кусочки еды со стрихнином. А так наложенные чары, глядишь, и заставят иродов изменить свое поведение — по крайней мере, на территории именно этого участка парка.

— Но белки белками, — спохватилась баб Нюра. — А ты мне скажи, с чего ты такая уставшая появилась?

Вита рассказала о тренировках по айкидо.

— Это с какого перепугу? — откровенно удивилась яга. — На тебя кто-то покусился? Ты только скажи, я мигом!

Ага, мигом. Вита грустно усмехнулась. Представила, как баб Нюра заявится в ту же общагу в своей любимой красной бандане в горошек и веником наперевес.

— Да на шефа что-то нашло, — поспешила успокоить ягу девушка. — Вот он и выдал мне директиву посещать тренировки в обязательном порядке.

И даже тренировочной спецодеждой обеспечил, чем изрядно удивил Виту: с чего бы о ней так пекся аж сам декан? На физфаке со студентами так не возились. Неужто на спецфакультете так было принято?

— Он мне ничего об этом не рассказывал, — хмыкнула баб Нюра.

— А вы знакомы? — Брови девушки поползли вверх. — Ты никогда не говорила о Ростиславе Никитиче в таком ключе, ба.

— Знакомы, — буркнула яга. — Но не будем сейчас об этом. Как тебе тренировки?

Вита описала, как: очень потно. Очень потно и невероятно энергозатратно: упала-встала, упала-встала, упала-встала. Кисти рук на растерзание энтузиастам отдала — кисти рук опухли и мешают записывать лекции. На коленках (если не сказать на карачках) поползала — те стерлись в кровь.

— Зачем же ты на карачках-то ползала? — не выдержала баб Нюра.

— Потому что сувари-вадза́, — вздохнула Вита.

— Какая еще ва́за? — нахмурилась яга.

Вместо ответа Вита нашла в смартфоне случайный обучающий ролик, в котором были показаны соответствующие перемещения на коленках. Конкретно в этом видео на громадного дядьку якобы нападала ма-а-а-ленькая девочка. Обозначала, едва дотягиваясь до дядиного лба, атаку открытой ладошкой, а дядька ее укладывал на татами — надо отдать ему должное, предельно аккуратно.

— Ничего в этом не понимаю, — честно сказала баб Нюра.

— Вот и я о том же. — Девушка закрыла видео. — И зачем шефу понадобилось меня на эти тренировки отправлять?

— Да уж. — Яга неодобрительно поджала губы.

Но и отговаривать от тренировок не стала. Она знала Городового, и знала давно. Можно сказать, вместе съели не один и не два пуда соли. Ростислав Никитич был умнейший мужик. Вдобавок у него был дар то ли предвидения, то ли что-то в том же духе, чем он руководствовался в принимаемых им решениях, иногда вопреки здравому смыслу. И раз он принял решение отправить Виту на эти странные тренировки, значит, на то была очень веская причина.

Другое дело, что вдаваться в подробности и рассказывать девушке о дружбе с деканом спецфакультета баб Нюра не собиралась. Сила в девчонке дремала — могучая, но пока непроявленная. А ведь, когда есть сила, всегда есть опасность употребления ее отнюдь не в мирных целях — если так сложатся обстоятельства. Как известно, даже ангелы падшими бывают, а человека совратить с пути истинного не то чтобы легче простого, иной раз и титанические усилия нужно прикладывать, а все одно — можно. Вот баб Нюра и оберегала приемную дочь от соблазнов. Никаких связей или панибратства с начальством — все сама-сама. Скромность, скромность и ещё раз скромность.

— Но для здоровья физкультура полезна, — подытожила размышления баб Нюра.

«Так я для здоровья по утрам бегаю», — вздохнула Вита.

Но вслух не сказала ничего: бесполезно. Все равно ей от этих навязанных шефом тренировок никуда не деться. Еще бы коленки и запястья в норму пришли…

— Ты не кручинься, дочка, — будто подсмотрела мысли Виты яга. — Продолжай заниматься. А я тебе чуть-чуть подсоблю.

Баб Нюра вышла в коридор, где и принялась скрипеть дверцами и звенеть склянками. Результатом поисков оказалось несколько пузырьков из темного стекла. «Гибкая стальная веревка» предназначалась для укрепления связок и сухожилий, а «заплатке» отводилась роль исцеления и, что было немаловажно для Виты, укрепления кожи. Была и склянка с надписью «возродись!» — для поддержания сил душевных и физических.

— А там, глядишь, — сложила яга пузырьки в пакетик и протянула его приемной дочери, — и выяснится, для чего Городовой тебя на эту физкультуру на нихонский лад отправил.

Вита в ответ только кивнула. Действие чудесного киселя заканчивалось; веки, казалось, наливались свинцом. Пора было спать. И, по всей видимости, спать в общаге.

Хотела ли Вита остаться у баб Нюры? Разумеется. Приемная мать всегда перед сном рассказывала байки — про параллельный мир, например.

— В нем наш Москов называется Москвой, — устремляла в такие минуты взгляд неведомо куда яга. — Ломоносовские горы, на которых стоит твоя любимая альма-матер, — Воробьевыми. А вот имена ученых мужей, а также мужей других искусств там совсем как наши — за редким исключением.

— И даже Пушкин? — удивлялась в такие минуты Вита.

— И даже он, Витушка, — поправляла непослушный завиток рыжих волос яга. — Даже он.

Вите очень, вот очень нравилось слушать такие сказки на ночь — о параллельном мире, так похожем на их. История которого чуть ли не один в один повторяла историю ее родного мира — за редкими, по словам всезнающей яги, исключениями. Мире, в котором практически совпадали даже главные вехи истории и их даты. Будь обстоятельства иными, девушка с удовольствием бы осталась: в прошлый раз баб Нюра обмолвилась про какую-то социальную — или все же социалистическую? — революцию, которой в их мире не было. Но первая лекция, по зельеварению, была завтра назначена на семь утра. Значит, придется вставать в пять, чтобы успеть добраться до университета. Или, как вариант, встать в четверть седьмого и воспользоваться телепортатором, что было несравнимо рискованней использования прибора сейчас, в полночь: ее соседка по блоку, просыпавшаяся ни свет ни заря, о магическом факультете не знала ничего.

Да и дали же ей, московичке, зачем-то общагу? Может, как раз затем, чтобы она не тратила много сил на дорогу? Знали, что день будет расписан от и до.

Вита, собравшись с последними силами, встала. Порывисто обняла баб Нюру и телепортировалась.

Глава 2
в которой Вита ходит на пары и не только

Вита сидела за столиком в своем любимом кафе на втором этаже.

Придавая камерности и уюта, горела настольная лампа; перед девушкой стояли блюдце с пирожными и чашка капучино — украшенная коричным узором пенка пусть и медленно, но неуклонно опадала. Вита на пенку не смотрела, ее взгляд был устремлен на мозаичные портреты великих ученых.

«Может, я зря перевелась?» — задавалась одним и тем же вопросом девушка.

Сегодняшний прак[3] по зельеварению стал не просто провалом, но провалом эпическим и грандиозным. И ведь не сложное задание было: даже не сварить — сделать эликсир для укрепления и роста волос. Казалось бы, это проще некуда: взять яичный желток, репейное масло и мед, смешать все в нужных пропорциях, приправить своей силой и получить чудо-средство.

Может, все дело было именно в этом пункте, «приправить своей силой»? Может, силы у Виты просто не было, а Городовой в ней ошибся?

Эх!.. Вита потянулась за капучино. Пригубила напиток и не почувствовала вкуса: перед мысленным взором встала жертва ее чудо-эликсира, безродный кот Барсик, живущий в лаборантской. Вита смотрела, как оголяется лапка котика, на которую была нанесена малю-ююсенькая капелька ее эликсира. Сперва надеялась, что взамен заколосится новая, густая да блестящая. Потом надеяться перестала. Хорошо еще, преподавательница Марь Ванна стояла рядом. Котик был отобран, лапка тщательно промыта сильной струей воды, а эффект нанесения чудо-эликсира исправлен. Правда, на исправление ушло аж две капли фирменного снадобья Марь Ванны, но зато лапка Барсика моментально покрылась шерстью.

— В этом случае важно, — вещала на всю аудиторию Марь Ванна, показывая широкой общественности сперва левую переднюю конечность котика, а потом и правую, — чтобы экспериментальная, так сказать, лапка не отличалась от той, на которой опытов не проводили.

Вите преподавательница не сказала ничего. Глянула только сочувственно, и именно это девушку и добило. Едва дождавшись окончания пары, Вита помчалась в свое любимое кафе — перевести дух, настроиться на дальнейшую учебу. А вышло наоборот: портреты ученых на стене, казалось, всем своим непогрешимым обликом свидетельствовали о вреде спонтанных переводов с факультета на факультет.

— …Привет, перебежчица! — на стул напротив плюхнулась Светка, бывшая однокурсница. — Как успехи на новом поприще?

В ответ Вита пожала плечами. Перед глазами снова встало видение — как сперва пузырится, а потом желтеет жидкость в колбе. Как она капает флегматичному Барсику на лапку из пипетки, а шерсть начинает исчезать — даже не линяя. Просто исчезать.

— Хм-м-м… — Светка вглядывалась в лицо Виты.

Нельзя сказать, что она так уж прямо сочувствовала Вите: и закадычными подружками они никогда не были, и о переводе на физфаке судачили разное. Кто-то даже выдвинул версию про тайный сыск, вербующий студентов в свои ряды, чтобы те доносили на однокурсников. Правда, в сыск Светка не верила, ведь, по идее, завербованный должен не переводиться, а наоборот остаться, мимикрировать под своего в доску и стучать, стучать, стучать… — в свое сомнительное удовольствие.

— Ты же хорошо училась, — зашла Светка с другой стороны.

[3] Практическое занятие

Что верно, то верно — хорошо. Даже отлично, если не считать одной четверки по ангему,[4] полученной в первом семестре (и исправленной на пятерку по нему же во втором).

«А может, еще не поздно обратно?» — закралась мыслишка.

И тут же сменилась другой: ну уж нет. Вита не просто знала, что магия существует, она выросла в доме бабы-яги — может, в чем-то и для кого-то вредной, но интегрально хорошей, доброй и светлой тетки, обеспечивающей пол-Москова высококлассными зельями для поддержания здоровья. Не может быть, чтобы у нее самой не нашлось дара — окромя считывания аур, разумеется.

Вот взять ту же Светку. Вита, сменив фокусировку, по-иному взглянула на бывшую однокурсницу. С учетом открывшихся взгляду подробностей Светка оказалась человеком незлым, но жутко охочим до сплетен и их распространения. И это качество прекрасно объясняло то, почему Светка так часто пересекалась с Витой: узнать новые детали в жизни перебежчицы и принести их как та сорока на хвосте.

«Надо, надо было смотреть ауру раньше», — пришло запоздалое раскаяние к Вите.

Все то время, что она проучилась на физфаке, девушка практически не прибегала к дару. И учиться было интересно и захватывающе, и лекторы были замечательные, да и копаться в чужом внутреннем мире так себе удовольствие. Ну узнаешь ты, что твой сосед по парте любит заниматься чем-то эдаким да так, что это наложило на его личность несмываемый отпечаток. И что? Отсаживаться за другую парту? С очередным странноватым на новый лад соседом? Ведь, как любила приговаривать баб Нюра, добавляя новые ингредиенты в основу зелий, двух одинаковых людей не бывает. А потом неизменно со вздохом добавляла: у каждого свои недостатки.

— …Что-то ты сегодня какая-то не такая, — вклинилась Светка в мысли Виты. — Не хочешь делиться новостями — не надо. Но может?.. — кинула она быстрый взгляд на пирожные. — Может, хоть безешкой угостишь? А то я совсем голодная, а мне уже пора бежать.

***

Как ни странно, общение со Светкой придало Вите оптимизма. Во-первых, какой-никакой, а дар у нее был. Во-вторых, провал на зельеварении означал только одно: у нее не было склонности к зельям. Но если поразмыслить, ничего экстраординарного в этом событии не было и на открытие века оно не тянуло. Ведь, будь у нее соответствующий дар, неужто баб Нюра не помогла бы его развить?

Зато у нее были другие способности, и, кстати, признанные (и нещадно эксплуатируемые) Городовым. Именно ее назначили, причем с первого же дня обучения на спецфакультете, усмиряюще-проверяющей. То есть призванной урезонивать расшалившиеся фольклорные элементы, вынужденно проживающие в черте города. Да-да, именно вынужденно: и лешие, и водяники, и призраки, и еще целый легион так называемой нечистой силы были не злодеями, но несчастными пленниками территорий. Они при всем желании не могли покинуть не то что Москов — район своего обитания. Час-другой-третий — не в счет. Потом «фольклорные элементы» начинали терять силу, а потому предпочитали обжитые места надолго не покидать. По крайней мере, именно так объяснила в свое время положение вещей баб Нюра.

«И это в какой-то мере хорошо», — в который уж раз за девятнадцать прожитых лет подумала Вита.

Баб Нюра нет-нет да вздыхала: будь на то ее воля, покинула бы каменный город с легкой совестью и подалась в дремучие леса.

При этом яга всегда переводила взгляд на картину. Но та показывала не дремучий лес — умиротворяющие пейзажи, даром что каждый раз разные.

---

[4] Аналитической геометрии

«Зато здесь я у тебя появилась, ба», — говорила в таких случаях Вита, и горькая складка у губ баб Нюры неизменно разглаживалась.

И тогда яга переключала внимание на приемную дочь — сперва просто с ней играла, потом, как та подросла, начала обучать разным премудростям. Распознавать ауру вот научила, а также определять по ней, с добрыми намерениями конкретно этот носитель биополя подошел или нет. Ну и общеобразовательные светские дисциплины яга уважала: мол, тебе жить среди людей, Витушка. Заметит, какой предмет у Виты получается лучше других, наберет книжек из библиотеки и наставляет: учись, пригодится. Чаще всего яга брала в библиотеке книжки по физике и математике — ну, если не считать Пушкина, которого сама безмерно любила и уважала.

…Кстати, о математике. Вита глянула на экран смартфона. Подхватилась со стула — пирожное осталось лежать на блюдце — и выбежала из кафе. Пара должна была начаться через шесть с половиной минут, и на нее надо было успеть вовремя: преподаватель Шишкин опоздавших в аудиторию не пускал. А Вите математика, пусть спецфакультетная, наипростейшая по сравнению с физфаковской, сейчас была нужна как воздух — реабилитироваться в своих же глазах после провала на зельеварении.

Вот Вита и неслась — сперва к скоростному лифту, потом по длиннющему переходу в одну из башенок на крыше, где среди этажей студенческого общежития затесался этаж с аудиториями для студентов-магиков. Такие же этажи с аудиториями были раскиданы по остальным трем башенкам на крыше главного здания, и поначалу Вита путала, в какой из них какие занятия будут идти. Но это осталось в прошлом. Сейчас девушка была уверена в выбранной башне. Она уже подбегала к входу в башню, как вдруг…

Присутствие появилось внезапно — резкое, направленное. Изучающее и вместе с тем отрешенно-холодное. Оно настолько не вязалось с привычным университетским укладом, что Вита, как ни спешила на пару, а остановилась. Посмотрела направо, налево, обернулась назад, перевела взгляд перед собой… Никого. Тем не менее *присутствие* никуда не исчезло, оно было — Вита его ощущала отчетливо. И тогда девушка перевела взгляд наверх, на крышу башенки, венчавшуюся не то короной, не то цветком в виде короны. И увидела, как на фоне навершия мелькнула неясная тень. Мелькнула и скрылась; *присутствие* исчезло.

— Бывает же, — сказала Вита самой себе и помчалась вверх по лестнице. До начала пары оставалось еще пятнадцать секунд.

***

Математика прошла на ура. Интегралы брались, пределы считались, детерминанты в принципе не могли вызывать у Виты затруднений. Закаленная двухлетней учебой на физфаке девушка щелкала задачку за задачкой, а сама думала — о *присутствии*. Вертела столкновение с чужой волей и так, и сяк и понимала: не знает, с чем — или кем? — столкнулась. А потому, едва прозвенел звонок, выбежала из аудитории и, удостоверившись, что рядом никого нет, набрала баб Нюру.

Яга отозвалась сразу, будто караулила звонок. Выслушала Виту, потом принялась расспрашивать и переспрашивать. Когда же поняла, что задает одни и те же вопросы по третьему кругу, сказала:

— Я не знаю, кто это. Но кто бы это ни был, не позволяй ему в себя вселиться.

— И как? — сказать, что Вита была огорошена, значит не сказать ничего.

— А просто, — казалось, беспечно отозвалась яга. — Не разрешай, и все. Вот прямо стой на своем. Вот нет, и никаких других вариантов не предусмотрено. Я не такая, жду трамвая, а вы мимо проходите и даже рядом не стойте.

— Кажется, я тебя поняла… — Вита примерила на себя состояние, описанное баб Нюрой. — Да, точно поняла.

— А ты больше ни о чем меня спросить не хочешь? — как бы невзначай осведомилась яга.

— Ты про зельеварение? — догадалась Вита. — Ну, слушай.

Рассказ не полился — низвергнулся подобно водопаду. Неудача на практикуме отступила, притупилась успехами на математике, и Вита уже со смехом описывала исчезающую шерсть на лапке Барсика, собственный шок и округляющиеся глаза Марь Ванны.

— Яйца и мед, поди, из сетевого магазина были? — уточнила яга. — И репейное масло в аптеке брала?

— Так остальные закупались там же!

В том-то и было дело, что вся группа могла сделать что-то удобоваримое из третьесортных ингредиентов, а она — вот совсем нет.

— Не кручинься, Витушка, — принялась успокаивать девушку баб Нюра. — Помнится, ты упоминала, возле твоего дома парк какой-то имеется.

— Есть, дендрарий. — Рассудительные интонации яги подействовали на девушку как хорошее успокоительное.

— Вот в нем и поищи, Витушка. Сама корешок репея откопай, это важно. И ко мне загляни вечерком за медом и яичками. Договорились?

Вита с радостью согласилась. Может, вдобавок к меду и правильным желткам, баб Нюра еще подскажет что. И выйдет у нее это зелье — не может не выйти!

Повеселевшая Вита дала отбой и направилась в комнату покормить Мыша. Она-то сама целыми днями носится как угорелая, а Мыш сиди голодным?

Глава 3
в которой Вита посещает дендрарий

— Ну вот ты наконец и поел. — Вита смотрела, как Мыш вгрызается в кусок сыра.

Появление в ее жизни Мыша совпало с началом учебного года. Вита как раз поселилась в комнате на девятом этаже: восемь квадратных метров, высоченные потолки. Над девятым этажом располагался технический, а потому высота потолков девятого была не три метра, как во всем общежитии, — гораздо выше. Многие студенты и аспиранты этим пользовались и сооружали в комнатушках девятого второй этаж — кто во что горазд. Был таковой и в комнате Виты: настил из занозистых досок, такие же ступеньки. На настиле лежал оставленный в наследство кем-то из предыдущих квартирантов толстый матрас.

Вите настил был без надобности, она преспокойно разместилась внизу. Осмотрела вмонтированный в стену сейф — обязательное условие заселения от спецфакультета. Разложила пару джинсов и три водолазки по разным полкам в шкафчике, повесила сшитую баб Нюрой юбку на штангу, обозначила курткой на вешалке в прихожей свое присутствие и отправилась получать постельное — проглаженное машиной, спрессованное ею так, что при отделении листков ткани друг от друга те издавали характерный звук. Девушка уже постелила простынь, засунула одеяло в пододеяльник и принялась расцеплять слипшиеся части наволочки, как…

— Ой!

Из спрессованной ткани выскочила мышка — совсем крохотная, серая, с черной полоской вдоль спинки. Выскочила, пропрыгала шустрым мячиком к шкафу и исчезла за приоткрытой дверцей.

— Ну, с новосельем тебя, — произнесла Вита, обращаясь одновременно и к себе, и к нежданному постояльцу.

Мышь она нарекла Мышем — по той простой причине, что у всякого питомца должно быть имя, и у крохотной мыши в том числе.

То новоселье — и ее, и Мыша — осталось в прошлом. Сейчас Вита смотрела, как Мыш впивает зубы в кусок сыра. Смотрела, а сама думала: тренировка нескоро, может, в дендрарий за корнем репея наведаться? Там как раз уже не должно было быть — ни посетителей, ни смотрителей, и можно было выкопать один малюсенький корешок. О том, что совершит что-то совсем уж противоправное, Вита не беспокоилась: репей — растение живучее, еще и вырастет, и разрастется так, что его придется пропалывать.

— Решено, — сказала тогда Вита Мышу. — Я в дендрарий за репеем, а ты тут не скучай без меня.

***

В закрытый для посещения дендрарий Вита попала попросту и без затей: перелезла через забор. Причем перелезла не на глазах у возможных наблюдателей из общаги — со стороны Университетского проспекта. Да, по нему неслись, шуршали шинами машины, но кто будет останавливаться и мешать молодой девице осуществлять противоправное? Никто. Вот Вита и перелезла — быстро да беспрепятственно. Направилась вглубь парка, нашла искомое растение, росшее возле асфальтированной дорожки. Выкопала корешок, и уже собиралась уходить… как вдруг подумала: вон, сколько в дендрарии места, и ни одной живой души. Может, повторить выученные — или вымученные? — два приема, *иккё* и *шихо-наге*? А там, глядишь, и на сегодняшней тренировке не так неуверенно, как в предыдущие два раза, ощущать себя будет.

Решив так, Вита встала в левостороннюю стойку.

— Сперва отработаю *иккё*, — принялась она вспоминать технику по шагам.

И тут кто-то явственно произнес: *тора-гучи*.

Тора-гучи? Девушка обернулась на звук, но никого не увидела. И только ощущение *присутствия*, такого же, как тогда на крыше, появилось.

Вите бы испугаться… Но в этот раз *присутствие* несло вполне мирный, а не холодно-отрешенный характер — даром что увидеть ауру у него было нельзя.

— Странно, — сказала тогда девушка самой себе.

И на всякий случай еще раз просканировала местность — так, будто экзамен перед баб Нюрой держала. А яга, когда доходило до дела, была очень строгой и въедливой.

Результат сканирования показал, что *присутствие* никуда не делось и что вражды в нем нет. Девушка на всякий случай произнесла вслух баб-нюрино *я не такая, я жду трамвая* и продолжила заниматься — снова встала в левостороннюю стойку. Не успела начать отрабатывать прием, как снова послышалось это *тора-гучи*; воздух вокруг рук уплотнился, начал диктовать движение. Вита только ошарашенно смотрела, как ее руки сами собой словно протирают пыль на вертикальной поверхности, одна из-под другой, одна из-под другой, одна из-под другой.

— Стоп! — В памяти вплыли баб-нюрины наставления: ни в коем случае не давать сущности в себя вселиться. — *Я не такая, я жду трам…*

И услышала, как явственно прошелестел ветер: *ты мне не нужна, мне нужен чистый прием*.

— А так бывает? — от неожиданности брякнула Вита.

Даром что знала по баб-нюриным наставлениям: сущностям верить нельзя.

— *Бывает*, — в шелестении ветра слышался смешок. — *Ты девчонка, мы несовместимы друг с другом. Мне просто нужно научить тебя чистой и по-настоящему рабочей технике*.

И такая была искренность, такая сила правды — и в усмешке, и в словах, что Вита поверила. Уже спокойно начала выполнять это *тора-гучи* — пока не сходя с места. Когда же *тора-гучи* стало для нее естественным, нежданный учитель потянул за руку, та потянула за собой корпус, девушка шагнула вперед, а ее руки опустились вниз — логически завершая прием.

— *А это ты уже сделала иккё*, — прошелестел ветер.

— Мы же делали *тора-гучи*, нет? — Вита почувствовала, что запуталась.

— *Тора-гучи — это принцип входа, реагирования на атаку. Помогает успешному выполнению других принципов, в том числе иккё.*

— А *иккё* разве принцип? — неуверенно произнесла Вита. — Нам говорили, что это технический прием.

— *Считай, что это принципиальная техника*, — хохотнул ветер. — *Не забивай себе голову и делай то, что я говорю.*

— Будь по-твоему. — Вита решилась.

Отбросила сомнения, убрала лишние мысли — чтобы было легче выполнять указания своего нежданного наставника.

— *Повторим еще раз*.

Девушка повторила — и вход *тора-гучи*, и «принципиальную технику», *иккё*. И еще раз. И еще.

А потом воздух перед Витой сгустился, и она увидела силуэт. Девушка отступила на шаг…

— *Не бойся*, — прошелестело ветром. — *Мы должны отработать иккё вдвоем*.

Силуэт медленно, осторожно обозначил нападение — рубящий сверху удар ребром ладони.

— *Уходи с линии атаки*, — прошелестело. — *Делай вход тора-гучи и завершай иккё.*

Вита без лишних вопросов выполнила наставления. Ушла с линии атаки и встретила удар уже выученным *тора-гучи*, перенаправила вложенную в удар энергию — так, чтобы ее странный противник качнулся. А потом с шагом вперед опустила обе руки вниз — в результате чего противник оказался на удержании и больше не мог стронуться с места.

— *Молодец, получилось*, — прошелестело удовлетворенно. — *Повторим*.

И Вита повторила, а потом ещё раз, и еще, и еще — даром что атаки становились все быстрее, все весомее. Но Вита справлялась. И тренировалась до тех пор, пока не вжилась в технику настолько — или это техника в нее вжилась? — что та стала органичной и естественной. А потом девушка услышала:

— *Теперь шихо-наге.*

Противник исчез. Зато снова прозвучало «*тора-гучи*», и руки снова зажили своей жизнью: что-то там протирали, прежним движением, хоть и на новый лад. И снова воздух свился в реального противника, и Вита тренировалась, тренировалась, и тренировалась — до тех пор, пока не освоила и эту технику тоже. Тогда девушка от души поблагодарила странного учителя-ветер, и тот исчез. А Вита услышала, что у нее звонит-надрывается телефон. И поняла — по разлившимся густым-густым сумеркам вокруг — что на тренировку она опоздала.

***

— Что же ты не отвечаешь, Витушка? — Голос баб Нюры был не просто обеспокоен — на грани тихой истерики.

— Да вот, затренировалась, — решила пока придержать правду Вита. — А до этого корешок репея искала.

— Точно? — подозрительно осведомилась яга. — А то сердце у меня не на месте. Да и слухи разные по городу ходят. Не ровен час…

— Все в порядке, ба, — поспешила успокоить собеседницу Вита. — Мне надо в общагу заскочить, и я прямиком к тебе, вместе с репеем. Примешь?

— Жду, — коротко ответила яга. А потом вдруг добавила: — Давай напрямик, не на метро. А то неспокойно мне.

Неспокойно? Вот теперь Вита удивилась: никогда раньше баб Нюра не говорила о том, что она беспокоится. Наоборот, воспринимала и действия, и решения, и даже проказы приемной дочери со стоическим спокойствием. А тут, гляди-ка — Вита проверила историю звонков — семнадцать раз, оказывается, звонила. А она занималась и не слышала.

Интересно, что на баб Нюру нашло?

Но удивление удивлением, а найти выкопанный корешок репея было надо. Что Вита и благополучно проделала при помощи фонарика в смартфоне — корешок лежал на краю дорожки, там, где она его положила. Вита сунула находку в карман джинсов и направилась к себе, но на этот раз не кружным путем, а напрямик. Прямой путь лежал через забор, сквозь прутья которого виднелась горящая электричеством башня МГУ. Кто из обитателей башни в темноте увидит, как она перелезает через забор?

Вот Вита и перелезла, и в приподнятом после тренировки состоянии духа направилась к себе в комнату. Перекинулась парой слов с соседкой Катькой — длиннющей, сутулой и вечно растрепанной девицей. Та уже не первую неделю удивлялась, почему Вите, студентке третьего курса, да еще и московичке, выдали общагу в аспирантском блоке.

— Повезло, — в который раз ответила Вита.

И побыстрее скрылась в своей комнате, запершись на ключ: и выбранная Катькой тема для светской беседы уже начала утомлять, и телепортатором пользоваться надо было крайне осторожно.

Кроме того, висело в воздухе что-то такое… нехорошее. Да и баб Нюра не стала бы беспокоиться зря.

***

Едва завидев приемную дочь, баб Нюра развила бурную деятельность.

И простым зрением смотрела на девушку, и своим, шаманско-ягишным, и мало не обнюхала, а напоследок еще в картину зачарованную смотрела, да так долго, что Вита уже начала опасаться: не случилось ли чего? Девушка давно догадалась, что яга в важных и непонятных жизненных ситуациях советуется с картиной.

В этот раз картина, хоть и сменила пейзаж с лесистых холмов на мишек в сосновом бору, никаких апокалипсисов не живописала.

— Ты в порядке. — Баб Нюра отвернулась от картины. — Что же это тогда было?

— А что было? — с невинным видом поинтересовалась Вита.

— Предчувствие было, а потом и само чувство пришло, — вздохнула баб Нюра. — Будто ты в историю угодила. И не то чтобы поганую, но сулящую немалые трудности. Это так, Витушка?

И таким был у баб Нюры взгляд, что Вита не смогла обмануть — ни саму ягу, ни ее доверие. Рассказала все как на духу.

Какое-то время баб Нюра молчала. Потом снова просканировала стоящую перед ней девушку. И наконец вынесла вердикт:

— А сущность-то сильная тебе повстречалась. Уму-разуму на свой лад научила и тронуть не тронула. И вот, что я тебе скажу, девонька…

Девонька? Вита насторожилась. «Девоньку» баб Нюра обычно в разговоре не применяла, все Витушка, да Витушка. А тут гляди-ка. Точно она в сказку какую угодила, вышла тропою по лесу дремучему к избушке на курьих ножках, а баба-яга ее в первый раз в жизни увидела и девонькой обозвала.

— Но сперва я все же тебя накормлю. — Баб Нюра подмигнула девушке, снова становясь самой собой.

И был восхитительный ужин — курица в сметанном соусе, пирог с грибами и брусничный морс, чтобы запить все это великолепие. Изрядно оголодавшая за день Вита уписывала кушанья за обе щеки, а яга смотрела на нее с материнским умилением.

И только когда ужин был закончен, тарелки Витой помыты, а на столе появились чайник и чашки, баб Нюра снова вернулась к теме сущности.

***

— Ну а теперь давай думу думать. — Баб Нюра придвинула чашку Вите. — Кто тебе повстречался и зачем. С чего начнем?

— Пожалуй, с *тора-гучи*, — вздохнула Вита.

После осмотра, что устроила ей яга, после этой ее «девоньки», восторг, что появился у Виты после соприкосновения с сущностью, не просто поубавился — исчез без следа. И не то чтобы девушке передалась обусловленная богатейшим жизненным опытом настороженность яги, нет. Просто Вита то ли почувствовала, то ли осознала: опасно. Очень опасно могло быть то, с чем она столкнулась — через ту сущность.

— Торо-гучи, так торо-гучи, — на свой лад произнесла яга. — И что это?

Вита изобразила движение рук и, поймав недоумевающий взгляд яги, полезла в смартфон. Нашла видео, поименованное соответственно. Коренастый нихонец на экране исполнял

движение руками, которое если и напоминало то, что она учила в дендрарии, то с очень большой натяжкой.

…Или нет? В глазах яги мелькнула догадка.

— Ну-ка, повтори свое движение, Витушка, — попросила она.

Девушка встала в левостороннюю стойку и, войдя в то состояние, что появилось у нее в дендрарии, выполнила начало приема. Сперва первого, а потом и второго.

— А ведь похоже! — На ягу снизошло озарение. — Просто этот дядька в белом…

— …кимоно, — подсказала Вита.

— В нем, родимом, — кивнула яга. — Кстати, ты заметила, насколько у этого дядьки мощный центр жизненной силы?

— Э-э-э?..

— Да ты на пузо его посмотри, — добродушно усмехнулась яга. — Поверь мне, это не от чревоугодия. От тренировок.

Повторно запустили видео — каратист принялся исполнять пассы.

— Пузан этот выполняет технику фронтально, — поясняла увиденное ею яга, — и как вещь в себе. А ты применительно к атаке и в полразворота. Это одна и та же техника. Нет, не надо сейчас повторять за ним, Витушка. Потом повторишь да усвоишь. Давай-ка лучше покумекаем, откуда твоя сущность родом.

И снова шерстили интернет, изучили контент нескольких сайтов, в результате нашли перевод: *тора-гучи* в переводе с нихонского означает «пасть тигра». А вот корни нихонской тигриной пасти находились в пасти хинского льва.

— Как всегда, — отвернулась от экрана яга. — Игла в яйце, то яйцо в утке, та утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу… Будь, Витушка, осторожней. И помни всегда про защиту.

— *Я не такая, я жду трамвая*? — Вита невесело улыбнулась.

— И это тоже, — подлила яга чаю приемной дочери. — И вообще, времена нынче наступают лихие.

— А то, — оживилась Вита. — Вот уже пятый год, как они лихие. Может, мне все-таки на фронт, а?

Этот разговор поднимался Витой не единожды, и каждый раз баб Нюра укоризненно качала головой. Но сейчас-то у Виты была уважительная причина: вот зачем ей эти зелья? Ее страна воюет, а она котов шерсти на лапах лишает.

— Ох, Витушка, — покачала головой баб Нюра. — Молодая ты, несмышленая. А о фронте — и думать не смей. И чтобы я о нем от тебя больше не слышала.

На этом серьезный разговор и завершился. Баб Нюра принялась рассматривать принесенный Витой корешок репея, причем делала это с особым пристрастием. Так посмотрит, эдак, на свет. Даже на зуб попробовала.

— Годный корешок ты выбрала, Витушка, — наконец вынесла вердикт. — Ох, годный. На таком и зелье доброе получится. А чтобы все прошло гладко, держи десяток яичек из-под домашней курочки да меду натурального экологически чистого. И пирог возьми с начинкой ягодной.

— А пирог тут при чем? — оторопела Вита.

Где зелья, а где пирог, пусть и с ягодной начинкой?

— С утра позавтракаешь, — по-доброму усмехнулась баб Нюра. — Ты девица молодая, тебе калории нужны… И вот еще что.

Баб Нюра встала, вышла из комнаты. Какое-то время было слышно, как она выдвигает ящики, а потом задвигает их обратно. Потом послышалось довольное «Ага, вот она где!» Вскоре появилась и сама баб Нюра. В руках у нее был пузырек из темного стекла.

— Да вот эту склянку взять не забудь, — потрясла яга пузырьком. В свете электрической лампы было видно, что внутри находятся крупные кристаллы. — Как подойдет время зелье варить, возьмешь один кристаллик и положишь под язык. И увидишь, что будет.

— Спасибо, — поблагодарила Вита как положено.

Пусть и не с поясным поклоном, но с соответствующим наклоном головы и выражением глаз — и увидела, как зажглись теплотой глаза яги. И подумала: да, баб Нюра, конечно, была ее приемной матерью, но по сути — яга-ягой.

«Кто знает, — думала в это время баб Нюра, — может, сила, в тебе дремлющая, от сока цветка папоротника ведовской жилкой проявится. А нет — просто сдашь свой практикум, и дело с концом».

Но вслух яга не сказала ничего — посмотрела на картину. Но та как показывала мишек в сосновом бору, так и продолжала показывать.

Вскоре Вита допила чай, поблагодарила баб Нюру за гостеприимство и отправилась восвояси — кормить Мыша кусочком пирога.

Глава 4
в которой Городовой приносит страшные новости

На зельеварении Вита частично преуспела.

Правда, эликсир от акне, теорию составления которого проходили на предваряющей практику лекции, снова не вышел мастью — и кристаллик яги не помог — зато получился давешний. От малюсенькой капельки изготовленного ею средства для роста и силы волос правая передняя лапка Барсика покрылась густой-густой, вот прямо колосящейся шерстью. Вите так понравился эффект, что она капнула эликсиром и на вторую лапку тоже.

— Вот можешь, когда захочешь, Чащина, — от переизбытка чувств Марь Ванна перешла на «ты». — Чтобы на следующем практикуме сработала мне такое же правильное средство, только от прыщей.

Вита в ответ молча кивнула. А сама подумала: «Эх! Не дается мне наука ведовская, придется снова к баб Нюре за советом идти».

…Или все-таки попробовать изыскать подход к неподатливой науке самой?..

Как именно она будет искать подход, Вита додумать не успела: хлопнула дверь. В аудиторию не вошел — ворвался казавшийся огромным, а на самом деле просто крупный и рослый мужчина в сером костюме-тройке, декан спецфакультета Ростислав Никитич Городовой.

— Друзья, — начал декан с места в карьер, — у нас беда. В Москове объявился охотник на магов.

По словам Городового, охотник выслеживал мага и отрубал жертве голову.

— По предварительной версии, катаной[5]. — Городовой смотрел на Виту в упор — пристально так.

«И при чем тут я?» — чуть было не брякнула вслух та.

Но сдержалась усилием воли. А там и шеф отвел от Виты взгляд — пробежался по рядам воспитанников, вглядываясь в глаза каждого, и повернулся к доске, чтобы набросать наскоро мелом карту Москова и обозначить на ней районы, где был замечен охотник.

И, несмотря на аховую ситуацию, Вита не смогла не залюбоваться тем, как шеф рисует карту: быстро, четко и качественно. Вот лучше профессионального картографа, ей-богу.

***

Судя по карте, охотник был замечен почти везде.

В Замосковречье, на Тверь-проспекте, в Веселом саду, в Кадашах, на Ломоносовских горах, на Питерградке, в Новокореево…

Вита мрачно смотрела, как карта заполняется красными областями, и думала: проще было отметить, где убийца с катаной не появлялся. А потом повнимательнее пригляделась к карте и ахнула вслух:

— Измаилово? Голуново? Леший и водяник живы?

— Охотник пока всех подряд не убивает, Вита, — не оборачиваясь, бросил Городовой. — И леший, и водяник живы. В Измаилово нашли мертвого оборотня.

Вот так. Оборотень. Смешной, добрый и совсем нестрашный, если не искать его в измаиловском лесу в полнолуние, перевертыш Гришка. Да и то, перекидывался он, когда кончались

[5] Катана — длинный нихонский меч с характерной изогнутой формой клинка и прямой длинной рукоятью

запасы усмиряющего снадобья. Такое на памяти Виты случилось всего два раза, и оба раза завершились без вреда для горожан. Кстати, она сама приносила Гришке склянки из коричневого стекла, наполненные под завязку тягучей жидкостью от баб Нюры. А оборотень в благодарность водил ее по парку — показывал заповедные, дорогие его сердцу места.

— Вот поэтому, Вита Чащина… — Ростислав Никитич обернулся и внимательно так посмотрел на девушку. Взгляд, казалось, пробирал до печенок. — Поэтому надо держать ухо востро. Григория жаль, я не спорю. Хороший был че… оборотень. Но еще много кто остался в живых, и… После этой пары жду тебя в своем кабинете.

Городовой отвернулся к доске и продолжил заштриховывать красным мелом области на карте. Вита смотрела на него: как-то подозрительно реплика шефа совпала с ее мыслями. Неужто Ростислав Никитич — телепат?

Ответа на этот вопрос, заданный пусть и ментально, но нарочито громко, Вита не получила. А потом домыслы вылетели у девушки из головы, вытесненные тревогой за баб Нюру.

«Ба, ты как?» — послала Вита сообщение.

И получила «не дождетесь» и смайлик в ответ.

Наконец Городовой закончил стращать студентов и ушел, бросив напоследок: «И вообще, лучше бы вам из своих комнат ни ногой». И хотя до конца пары оставалось еще добрых минут двадцать, никто больше учиться не смог. Все, включая Марь Ванну, принялись обсуждать новости и выдвигать версии.

***

После окончания пары Вита отправилась к декану в кабинет.

По пути девушка нет-нет да вглядывалась в идущих навстречу студентов: не волк ли это в овечьей шкуре, не держит ли катану за пазухой? Но вскоре поняла, что подобная бдительность ни к чему, кроме как к неврозу, не приведет. Как там говорили в фильмах про войну? Свою пулю не услышишь? Подумав так, Вита искать злодея перестала. И уже спокойно дошла до кабинета шефа, располагавшегося высоко-высоко, под самым шпилем высотки МГУ. Постучалась, толкнула дверь — Ростислав Никитич стоял у окна и смотрел на расстилавшийся внизу город.

Но вот он обернулся, и Вита увидела: покрасневшие глаза. И такие тоскливые, что девушке захотелось сказать что-то утешительное. Вот только она робела.

— Садись, Вита, — указал Городовой на один из стульев, стоящих возле своего стола. — Расскажи, как продвигаются тренировки по айкидо. Сколько раз ты их уже посетила?

Сколько раз? Вита нахмурилась. Если считать только официальные, проходящие в цоколе главного здания, то всего два раза. Если же приплюсовать к ним ту, в дендрарии, хоть и спонтанную, но самую результативную, то получится три.

— Всего две. — Вита не решилась на откровенность.

— И как? — Городовой либо не заметил заминки перед ответом, либо сделал вид, что не заметил. — Хоть один прием выучила?

— Целых два. — Вот теперь Вита не погрешила против истины. — Но…

— Да я понимаю, — махнул рукой Ростислав Никитич, — что до уверенного применения этих техник тебе как до… — Он хотел было употребить хлесткую метафору, но в последний момент изменил ее на более пристойный вариант: — Как до Луны. И в свете последних событий я даже не знаю, надо ли тебе продолжать на эти тренировки ходить.

А вот у Виты в том, что касается тренировок, сомнений как раз не было.

— Надо, — твердо произнесла она.

— Вот как? — откровенно удивился шеф.

Он был уверен, что девушке не понравятся тренировки по «мордобитию». Даже в случае айкидо — «мордобития для интеллигентов», как это боевое искусство назвал один его друг, спецназовец тайного сыска. И в чем-то Ростислав Никитич был прав. Состоись этот разговор перед тренировкой в дендрарии, Вита дала бы совсем другой ответ.

— Странно-то как… — Городовой не смотрел — разглядывал девушку так, будто впервые ее увидел. — А ты мне ничего не хочешь рассказать?

— Нет, — с легкостью ответила Вита.

А про себя подумала: как-то эта беседа поразительно напоминает начало вчерашнего разговора с баб Нюрой. Может, потому, что все наставники в чем-то одинаковые?

— Точно не хочешь? — с нажимом произнес шеф. И, увидев, что Вита покачала головой, принялся набирать что-то на клавиатуре ноутбука. А потом и развернул его монитором к девушке: — Глянь-ка тогда вот сюда. Это вторая жертва охотника.

Вита глянула. А потом и пожалела, что это сделала. Видео показывало убийство. Шел себе человек спокойно по улице, а потом мелькнуло молнией длиннющее лезвие, и — человек повалился наземь безголовым трупом. Голова мячиком проскакала по тротуару.

— И где это произошло?

Увиденное не хотело осознаваться. Девушке казалось, что видео было постановочным, и тот человек остался жив.

— Не остался. — Шеф покачал головой, и у Виты снова мелькнула мысль-подозрение про его телепатические способности. — А произошло это совсем рядом с Тверь-бульваром. И маг-бедолага, и этот убийца с катаной случайно попали на запись обычной городской системы слежения. И…

Городовой говорил о чем-то еще — Вита его не слушала. Конечно же! Катана — традиционное самурайское оружие. А она что изучала? В том числе и под руководством той сущности в дендрарии? Правильно, айкидо, пусть и не традиционное, но — нихонское боевое искусство.

— Ростислав Никитич, — решилась девушка. — А вы не могли бы мне еще раз ту запись показать?

— Да, смотри, если тебе это надо. — Городовой запустил запись и отвернулся.

Кажется, шеф вытирал глаза, но Вита на него не смотрела. Увидь ее сейчас кто-то со стороны — подумал бы, что перед ним какая-нибудь маньячка. Девушка просматривала запись чуть ли не по кадрам, а когда та заканчивалась, запускала по новой.

— Кого-то узнала? — Шеф успел повернуться обратно и теперь самым внимательным образом наблюдал за воспитанницей.

— Пока нет. — Это была правда.

Не вязался убийца с той сущностью, обучавшей ее приемам в дендрарии. Вот совсем-совсем не вязался. Другое от сущности было впечатление. Хотя…

Баб Нюра сказала, что сущность сильная. А вдруг сильная настолько, что обманула ее чувства? Ведь Вита не заметила в сущности вражды.

— И все-таки ты что-то от меня скрыва… — начал было заходить на новый виток дознания Городовой, и тут у него зазвонил телефон.

Ростислав Никитич изменился в лице. Захлопнул крышку ноутбука. Посмотрел на Виту, словно не узнавая.

— Чтоб на улицу ни ногой, — сказал.

И кивком отпустил девушку.

***

Вита шла в свое любимое кафе на втором этаже и думала: и что теперь? Откуда взялся этот черт с катаной? Почему он убивает магов? Что делать ей? И самое главное, как же теперь баб Нюра?

Это она может жить не выходя из главного здания МГУ, где, как известно, можно найти все, что душе угодно — хоть продукты, хоть хозтовары, хоть ингредиенты, пусть и третьесортные, для зелий. Вот как в той Элладе. А баб Нюра как будет справляться? Как она будет безвылазно сидеть в квартире? Кто за нее пойдет в магазин? Доставку-то ведь не закажешь, убийца запросто может замаскироваться под разносчика.

А как яга будет ходить в Тимирязовский парк за компонентами для зелий? Вита представила было, как из-за любимого дуба баб Нюры бесшумной тенью появляется злодей, и ее мысли пугливо метнулись в общие категории.

Вот за что этот охотник, не пойми как свалившийся на их головы, убивает магов? Что они ему сделали? Вот Гришка, светлая ему память. Да его в праведники можно было записывать! Или точнее, в гайдаровские тимуровцы. Старушек через дорогу переводил, причем на постоянной основе, — развлечение у него такое было. По вечерам патрулировал район обитания и отнюдь не для того, чтобы нападать на людей — наоборот! Баб Нюра рассказывала: с самого детства, когда ему и семи лет не было, Гришка начал свои патрули. И потом, когда повзрослел, продолжил.

«Сколько он девок от бесчестья спас, — приговаривала яга, наполняя вязким содержимым очередную по счету склянку из темного стекла, — и не сосчитаешь».

И ведь не только девок от бесчестья, Гришка всех подряд спасал: котенка, вскарабкавшегося от барбоса на дерево — дрожащего от страха, не понимающего, не знающего, как спуститься вниз.

Мальчишек, забравшихся в песчаный котлован: стенки котлована возьми, да поползи, а бедолаги оказались в песке по подбородок.

И просто заплутавших в Измаиловском парке горожан, не могущих найти выхода, а таковых было немало.

Его-то за что?..

— …Девушка, вам какой кофе?

О как. Оказывается, она уже дошла до кафе и даже успела отстоять немаленькую очередь, но так задумалась, что этого не заметила.

Вита взяла капучино. Оглянулась, поняла, что все столики заняты, и вышла за пределы кафе: кофе можно выпить и усевшись на мраморный парапет. Вот Вита и сидела на парапете возле памятника химику Менделееву, пила кофе, не чувствуя вкуса. Мысли прыгали чехардой, сменяли друг дружку: районы, в которых был замечен охотник.

Убитый непонятно за что Гришка, светлая ему память.

Оговорившаяся, что давно знает Городового, баб Нюра.

Тренировки, на которые ее за каким-то лешим отправил Городовой.

И, наконец, обучение на спецфакультете — непонятно чему и развивающее не пойми что. Ведь козе уже было понятно, что ведовской силы в ней ноль, если после того кристаллика из баночки яги у нее не получилось зелье от прыщей. У баб Нюры хоть с закрытыми глазами, хоть из пяти- или даже из семи-сортных компонентов снадобье получится, ведь важно не из чего варишь, а кто варит.

А она, ни разу не яга, пытается натянуть сову своей бездарности на глобус искусства зельеварения. А в это время по городу разгуливает маньяк, его пытаются вычислить, а она только на то и способна, что прятаться в главном здании МГУ…

— …Такое впечатление, что ты не учишься, а только кофе пьешь, — из-за памятника Менделееву вынырнула Светка. — Как успехи, перебежчица? Нам сегодня на лекции по методам матфизики такого крокодила трехэтажного нарисовали, ух!..

Светка тараторила, а сама смотрела на выражение лица Виты: знала, зараза этакая, что той нравились абстрактные математические задачи. Чем мудренее те были, тем сильнее загорались глаза у Виты. И силы, казалось, брались из ниоткуда — чтобы задачку решить…

Стоп. Если подойти к ситуации как к задаче? Вот не горевать о том, чего уже не исправить, а сосредоточиться на фактах? Ведь должно же получиться!

— Спасибо, Светка! — просияла Вита. — Следующая чашка кофе — с меня.

И, пока ничего не понимающая девица ловила раскрытым от удивления ртом воздух, Вита поспешила уйти. И над вводными в задачу подумать, в тетрадке их обозначить. И посидеть в тишине до следующей пары, истории магии Москова, чего уж греха таить. Может, и Гришку вспомнить. Глядишь, и всплывет в памяти какая-нибудь деталь, наведет на убийцу.

…Или не наведет. Но в любом случае, Гришку вспомнить хотелось. То, как они ходили вместе по Измаиловскому парку. Он — такой всегда растрепанный, большой и сильный. И она, рыжая веснушчатая кнопка.

Глава 5
в которой Вита и яга думу думают

История магии штатно не прошла.

Давая материал про хамавнических магов, преподаватель Альберт Владленович[6] то и дело лазил в телефон — отвечал на сообщения? В любой другой день Вита подумала бы, что попала в параллельную Вселенную: чтобы Альберт Владленович, да во время лекции позволял себе такую вольность?

Альберт Владленович кичился графскими корнями (и отчество его при этом не смущало). При каждом удобном и не очень случае он демонстрировал безупречные, с его точки зрения, манеры — порой доводя этим собеседника до нервной почесухи. Ведь простой человек ожидает простой и краткий ответ на четко поставленный вопрос, а не вот это вот «если вы, сударь, соблаговолите посмотреть в корень проблемы, то вы, возможно, увидите, что…» Дальше шло в том же духе, и откопать зерно истины в куче плевела словесных вычурностей было не всякому под силу. Далеко не всякому.

Вита в таких беседах, по счастью, пока не участвовала. Как увидела первый раз со стороны, так и зареклась. А когда стала невольным свидетелем последующих, задалась вопросом: а может, Альберт Владленович за словесными побрякушками прячет банальную некомпетентность?

Баб Нюра, с которой Вита поделилась первыми впечатлениями (и выводами) от учебы на спецфакультете, только вздохнула.

— Не суди сгоряча, Витушка, — сказала после паузы. — Как там было в мультике том? «Людоеды — они как лук». Снимешь одну шкурку, а под ней еще одна обозначится, и так далее. Поверь, так устроены не только мультяшные людоеды с добрым сердцем, — улыбнувшись, добавила баб Нюра.

…Баб Нюра. Как-то ты там?

Как бы в ответ на эти мысли ожил короткой вибрацией телефон.

«Как сможешь — приходи», — пришло сообщение от баб Нюры.

«Буду», — коротко написала Вита.

И дальше уже лектора слушала не вполуха, а хорошо если в четверть. А ведь Альберт Владленович давал — впрочем, как и всегда, — очень интересный и полезный материал. Что в переулке Сивый Вражек живет сильный погодный заклинатель. Тучи мог разогнать играючи. Темп поднятия воды при наводнении уменьшить, чтобы люди успели собраться и уйти. С пожаром, если пламя не разбушевалось, справиться: человеческий принцип «пожар легче предотвратить, чем потушить» и для магов оставался принципом. Любимой присказкой этого мага было: стихия — она на то и стихия, что с ней ни человек, ни маг в одиночку совладать не в силах.

— И нет, милостивые судари и сударыни, — вещал Альберт Владленович ехидным голосом, — имя заклинателя, а уж тем более его адрес я раскрывать не намерен, прошу покорнейше меня извинить.

Рассказывал лектор и про другого мага — металлиста, специализировавшегося на изготовлении ювелирных украшений. И даже показал брошь его работы — изящную и красивую.

Вита пристально брошку не рассматривала — бросила быстрый взгляд, и только. Живое воображение девушки рисовало возможные причины, по которым ей могла написать баб Нюра.

---

[6] Владлен — составное имя из двух частей, «Владимир» и «Ленин». Баб Нюра утверждала, что имя пришло из параллельного мира

***

Вита подорвалась с места, как только прозвенел звонок.

Промчалась вихрем по аудитории, игнорируя вытянувшееся лицо Альберта Владленовича, выскочила за дверь и понеслась к себе в комнату — вниз по лестнице, перепрыгивая через целые пролеты, чудом не сбивая студентов, поднимающихся навстречу. Когда же добежала до своего блока, то долго не могла попасть ключом в замочную скважину — руки так и ходили ходуном. Но вот наконец замок щелкнул, и девушка ворвалась в блок.

— А, это ты… — Во взгляде соседки была смесь облегчения и разочарования. — Ты чего такая взъерошенная?

— Да так, — отмахнулась Вита.

И, не дожидаясь, когда соседка оседлает любимого конька и затянет очередной куплет бесконечной песни «почему тебя, третьекурсницу, поселили в аспирантскую общагу» на мотив «куда катится мир», прошмыгнула к себе. Заперлась на ключ, достала телепортатор, нацепила на руку и в мгновение ока оказалась у яги.

Баб Нюра была жива и здорова. Вита мало не рухнула на стул — тело, скрученное в жесткую пружину тревогой за приемную мать, наконец расслабилось.

Яга села на соседний стул.

— Не надо все воспринимать так близко к сердцу, Витушка, — с улыбкой смотрела на девушку она. — Даже если я уйду…

Баб Нюра перевела взгляд на картину. Та показывала бабочек, порхающих над залитым солнцем лугом.

— Вот я тебе сейчас!.. — Вита на картину даже не посмотрела.

Потому что ей стало страшно, жутко — увидеть на зачарованном полотне какое-нибудь кладбище, освещенное луной.

— Даже если я уйду за грань, — со странной улыбкой повторила яга, — то поверь, ничего страшного для меня не случится. Ничего такого уж плохого в своей жизни я не делала, значит, и в условную преисподнюю не угожу.

— А ты веришь, что за гранью что-то есть? — набычилась Вита.

— А то, — усмехнулась баб Нюра. — Не просто верю — знаю. Знаю, что там вечные сумерки и свет. Мягкий такой, неземной, золотистый свет. А бывает, там удушливо-серо. Нашего Гришу, я почти уверена, в серость не затянет. Может, я его увижу. Да и в серость, если и затягивает, то не сразу.

— А?.. — Вита со священным ужасом воззрилась на собеседницу. — Ты-то откуда знаешь?

Девушка была свято уверена, что никто, вот совсем никто доподлинно не знает, что там, за гранью. Некоторые вообще утверждали, что со смертью все закончится. И…

До Виты вдруг дошел смысл сказанного собеседницей.

— Ты чего это? — вскинулась тогда девушка. — Вслед за Гришкой вот прям щас собралась?

— Вот еще! — аж передернуло ягу. — Мне рано пока. Тебя еще в люди вывести надобно. Белок в парке, опять же, кто укрывать от нелюдей будет? Ты подумала?

Вита в ответ только качала головой: пронесло. А то ей помстилось было, что баб Нюра и впрямь на тот свет собралась. Вон, какие байки знатные рассказывает — про сумерки и свет неземной золотистости да мягкости, про серость дремучую, из которой не выбраться.

Вита все-таки решилась посмотреть на картину — та показывала бабочек на залитом солнцем лугу.

— Значит, жизнь продолжается, — выдохнула девушка.

— Поэтому, — баб Нюра со странной улыбкой смотрела на приемную дочь, — давай чай с ватрушкой пить, да думу думать.

— А вот это дело! — обрадовалась Вита.

Да, она собиралась сама разложить факты и «решить задачку», но одна голова хорошо, а две — лучше. Тем более у обладательницы второй головы было куда больше жизненного опыта.

— А скажи, ба, — взяла быка за рога девушка, — ты не знаешь, сколько всего в Москове убили магов?

***

По словам баб Нюры, жертв неведомого злодея оказалось всего две.

— Так что зря ты так за меня перепугалась, Витушка, — добавила яга.

— Так ты сама меня попросила приехать, ба, — укоризненно посмотрела на собеседницу Вита. — Вот я и обеспокоилась. Да и обсуждать… то есть, думу думать мы с тобой, вроде как, начали.

Неужто уже все обдумали?

— Конечно, попросила, — как само собой разумеющееся сказала яга. — И мы обязательно обсудим, что в городе за безобразие творится. Но ты сперва ватрушку возьми. Свежая ватрушка-то, недавно совсем из печи… то бишь из духовки.

Ватрушку Вита взяла — румяную, с большущим окошком творога. И есть хотелось, ведь за целый день ничего, кроме той чашки капучино во рту не было, и выпечку баб Нюры уважить надо было. Вот Вита и жевала ватрушку, запивала брусничным чаем, а сама смотрела на ягу: гены пальцем не задавишь. Тут светопреставление скоро начнется, Альберт Владленович светский лоск, того и гляди, совсем растеряет, а у яги веками и поколениями уложенное «накормить, а потом расспрашивать» не меняется.

Но потом ватрушка все-таки была съедена, и обсуждение продолжилось.

— Если жертв всего две, — начала излагать факты девушка, — то почему Ростислав на карте так много районов обозначил?

— Может, и для устрашения неразумных отроков, — усмехнулась яга. — Или что-то просчитал. Он ведь у нас то ли шибко умный, то ли даром предвидения обладает. Я, если честно, так и не поняла за все время, что с ним общалась.

— И долго общалась? — невинным голосом осведомилась Вита.

— Достаточно, — уклончиво ответила яга. — Ты мне вот что скажи, Витушка. Мне тут Городовой звонил, сказал, что тебе аудиенцию устроил, а тебе от него что-то там утаивать вздумалось.

— Так ты меня поэтому позвала? — ахнула Вита.

Расширив глаза от ужаса, смотрела девушка на ту, кому абсолютно, вот абсолютно и бесповоротно доверяла. Смотрела и не могла сложить два и два, звонок Городового и сообщение от баб Нюры.

— Ишь, чего удумала, — покачала головой баб Нюра. — Чтобы я да с кем-то супротив тебя объединилась?

Вита в ответ сперва покраснела. Потом поняла, что зря: не перешло у нее удивление в подозрение. Не перешло по той простой причине, что в ее представлении категории «баб Нюра» и «предательство» были несовместимы.

— Не смущайся, Витушка. — Яга протянула руку и ласково потрепала приемную дочь по волосам. — Городовой, конечно, мужик дельный, но я всей душой на твоей стороне. И если ты ему что-то не доверила, значит, у тебя на то были свои причины.

Вита только кивала: баб Нюра, казалось, заглянула к ней в душу и увидела то, что она сама для себя толком не могла сформулировать: почему она не стала говорить шефу про бестелесного наставника-сущность, да еще и изъясняющегося, хоть и по-русски, но с вкраплениями нихонских терминов? Ведь по городу ходит злодей с катаной: вынюхивает, а потом и убивает магов. А на нее скрытность вдруг напала. С чего бы это?

Неужто и впрямь потому, что сущность обманом втерлась к ней в доверие? Поманила изучением не дающихся, вообще говоря, техник, а она и продалась за них — как Иуда за тридцать сребреников?

— Погоди, Витушка, не наговаривай на себя зря. — Яга поправила непослушный рыжий завиток, заложила за ухо. — Давай-ка лучше по порядку. Что ты такого узнала у Городового, что не решилась сказать про сущность?

— Да я даже не знаю, почему не решилась, — пожала плечами девушка. — А что узнала? Видео он мне показывал.

— Вот про это и расскажи, — подбодрила Виту баб Нюра. — Да выписывать на листочек факты не забывай. Обмозгуешь потом на досуге, покумекаешь, как и хотела.

Вита, бросив благодарный взгляд на мудрую собеседницу, повела рассказ: про злодея, попавшего на видео — невзрачного, как серая тень в сумерках. Напавшего со спины. И про двуручный нихонский меч-катану. Которым злодей, кстати, управлялся одной рукой, да так ловко, что, не появись отблеск от уличного фонаря на лезвии, Вита этот меч, может, и не заметила бы.

***

— Вот оно, значит, как. — Усмешка яги вышла кривой. — Со спины, исподтишка нападает.

— Вот именно, — вскинулась Вита. — Наш, поди, и заметить подлеца этого не успел.

Девушка ожидала какой угодно реакции от собеседницы: рассказа, кем был этот маг, искреннего переживания, да хоть слез, наконец.

— Да в том-то все и дело, что не свой он мне, — вздохнула баб Нюра. — И не жалко мне его ни капельки. С гнильцой человек Силантий был, подленький, мелочный. Вот веришь, ничего хорошего о нем сказать не могу.

Яга поджала губы.

— Но… — Вита ненадолго впала в ступор. — Гришка-то добряк добряком был.

Вот какая может быть связь между подлецом и светлейшей души человеком?

— Это пока не обернется, — снова усмехнулась яга.

— И что, вот прям подлость из него по полнолуниям перла? — вскинулась Вита.

— Нет, — пожала плечами баб Нюра. — Просто зверем становился. Волком. А они людей ведь не зря сторонятся. В городе же, как ты понимаешь, люди сплошь и рядом. И вот теперь представь: каково будет зверю дикому, внезапно обнаружившему себя не в чаще лесной — в чахлом лесочке, насквозь пропитанном человечьим духом?

Вита представила себе: вот она, кого-то там усиленно избегает. И вдруг оказывается среди избегаемых, зажатая в угол. Бр-р-р!

— Бедный Гришка! — озвучила девушка нарисованную в воображении картину. — Ему, поди, в такие полнолуния было не по себе.

Как минимум не по себе.

— Еще как не по себе-то! — покачала головой баб Нюра.

А Вита не поняла — почувствовала: видела яга оборотня в полнолуние. Гришку ли, другого ли оборотня, но — видела.

— До воя, до когтей по стволам осин. — Голос яги пробирал до мурашек. — Чтобы клокочущую ярость загнанного в угол из нутра избыть. Страшно это, Витушка… Не передать словами, насколько страшно.

Да уж… Вита представила себе картину: огромный, весь какой-то растрепанный и очень одинокий, неприкаянный волчище. Глаза горят диким лунным огнем. Мечется в лабиринте воняющих человеком — троп, скамеек, деревьев…

— И что же злодею от него было надо? — Вита тряхнула головой, отгоняя видение. — И от Силантия?

— А вот это, Витушка, вопрос из вопросов. И у меня на него ответа нет. Давай-ка мы с тобой Гришку помянем лучше. Хороший он был. Как ни крути — хороший.

Яга налила вишневой наливки в небольшие рюмки. Выпили не чокаясь. Помолчали.

— Светлая ему память, — сказала баб Нюра. — Его многие любили. И я в том числе.

И тут Виту осенило: баб Нюра сказала, Гришку многие любили.

— А ведь Ростислав Никитич плакал по Гришке! — Вита принялась сбивчиво объяснять, как она, пока смотрела видео, краем глаза заметила: Городовой вытирает глаза.

— Так Гришка его родную племянницу спас, — снова усмехнулась яга, но на этот раз светло. — Спас как минимум от бесчестья. Пошли они как-то втроем с подружками по Измайлово гулять. И хоть Ленка Городовая рослая была, баскетболом тогда занималась, и подружки ей под стать подобрались, но и напали на них пятеро или шестеро, уж и не вспомню, бугаев. Гришка совершенно случайно поблизости оказался, кислицу для щей собирал. Девки умницы, визг поднять успели, а Гришка его услыхал, и — на подмогу…

…На подмогу. Вита не выдержала и разревелась — горько, навзрыд. Слезы текли по щекам — девушка их не утирала. Перед глазами стояла Гришкина улыбка — щербатая и очень-очень добрая. Вот как?.. Вот за что?..

— Ты поплачь, Витушка, поплачь. — Яга подошла, принялась гладить девушку по спине. — Поплачь. На душе полегчает.

И Вите действительно полегчало. Девушка вытерла слезы:

— Поревели, и будет. Давай думу продолжим думать.

Они какое-то время еще думали: о связи между Силантием, Гришкой и злодеем с катаной. О том, что убивца заметили во всех тех районах, что обозначал на нарисованной им же карте Городовой.

«Получается, его уже опознали? — писала Вита в своей тетрадке, чтобы потом подумать над всеми всплывшими вопросами самой. — А по каким признакам?»

На том видео, которое она столько раз пересматривала в кабинете декана, были только спина убийцы и отблеск уличного освещения на лезвии.

А может, Ростислав Никитич показал ей только одно видео? А у самого в том же ноутбуке было и второе, про Гришку? И его Городовой показывать не стал, чтобы не травмировать девушку, близко знакомую с оборотнем?

— С одной стороны, это разумно, — кивала в такт высказываемым приемной дочерью предположениям яга, — а с другой, вот совсем нет. Убийцу лучше знать в лицо. Мог бы и показать наш премудрый Городовой фото предполагаемого злодея-то. Вырвать кадр из видео или как там можно еще?

В ответ Вита только и смогла, что пожать плечами: на все эти вопросы ответа у нее не было.

— Ладно, я сама у него попробую вызнать, — решила баб Нюра. — Ты мне вот что скажи, Витушка. На том видео, что ты смотрела, не было заметно, течет ли сила жизненная к супостату? Или нет?

Вита отрицательно покачала головой: видео было плохого качества; камера, судя по всему, находилась далеко, и течет ли жизненная сила, нет ли, она не увидела.

— А жаль, — с чувством произнесла яга. — Потому что, как ты понимаешь, злодеем этим с катаной может запросто такая сущность, какую ты в своем дендрарии повстречала, оказаться.

Глава 6
в которой Вита отправляется на тренировку

— Думала я об этом, — вздохнула Вита. — Что наставник тот бестелесный мои чувства мог и обмануть.

Обмануть потому, что сильный. А если сильный, то запросто мог свою натуру злодейскую скрыть от неопытной девчонки. Как это бывает, Вита себе примерно представляла, ей баб Нюра поясняла — еще давно, когда про магов и магию рассказывала. Мол, личина у сильного мага непрозрачная, за ней сути не разглядеть.

Но в случае человека все было более-менее понятно. Вот человек, вот личина его обволакивает, а сам он сидит в ней, как космонавт в скафандре для выхода в открытый космос. Но как сущность-ветер сумел скрыть суть? Во что он упаковался?

— Значит, надо снова в дендрарий идти, да выяснять, — подытожила девушка размышления.

Смерть Гришки — нелепая, ненужная, затмила чувство самосохранения. Да и отсиживаться Вите казалось предательством. Вдобавок отсиживаться было не только подло, но и глупо: враг рано или поздно добьет тех, кто сражается на передовой, и заявится к тебе домой.

И ладно бы она не знала, где найти возможного преступника. Так ведь ей это известно!

— В дендрарий ни ногой. — Яга решила, что достаточно понаблюдала за сменой настроений приемной дочери, написанных у нее на лице, — читай не хочу.

— Но…

— Никаких «но»! — резко оборвала Виту баб Нюра. И тут же смягчилась: — В парке том у сущности место какой-никакой, но силы. Не надо идти на неоправданный риск.

— Но что же мне делать? — Вита не просто хотела помочь в поиске преступника.

Она должна была это сделать.

— Так на тренировку пойти, Витушка, — улыбнулась баб Нюра. — Поверь мне, дело я говорю. Только про *не такую* и *трамвай* не забывай. Заклинание это отводящее. Не шибко сильное, зато безотказное. Получится у любого человека, не только у мага. И от сущности из парка в случае чего поможет уберечься, и убивцу с катаной глаза отведет.

Яга нарочно не объединяла сущность-наставника с убийцей. Да, вероятность того, что наставник Виты окажется убийцей, была. Вот только баб Нюре почему-то в это не верилось.

— Но почему же ты тогда отговариваешь меня от дендрария? — Вита никак не могла сложить два и два.

— Потому что полагаю, — терпеливо, как пятилетней девочке, по второму кругу принялась объяснять яга, — что место силы там у сущности твоей. А против лома…

— …нет приема. — Вот теперь Вита поняла, что хотела донести до нее собеседница, и все встало на свои места. — А заклинание это хоть и рабочее, но не попадает под категорию тяжелой артиллерии.

— Вот и умничка, — улыбнулась баб Нюра. — А теперь айда в магазин! Закупаться на случай возможной осады буду. Береженого боги берегут.

***

В магазине Вита твердила про себя: мол, *не такие* они с баб Нюрой, *ждут трамвая*. Делала ли так же яга, было неизвестно, уж очень она с пристрастием выбирала — и масло подсолнечное, и яйца куриные, и сухари сахарные. И даже печень мороженую, чем повергла Виту в священный трепет: что о продукте, замороженном, в пластиковой упаковке — можно понять?

Наконец корзина была заполнена, деньги заплачены, и яга с девушкой двинулись было к выходу…

— Стой. — Яга застыла на месте как вкопанная.

Сцапала руку приемной дочери — точно тисками сдавила.

— Ты чего, ба? — удивилась Вита.

— Во-он туда посмотри, — указала глазами баб Нюра.

По противоположной стороне улицы шел мужчина. И вроде, обычный на вид: рост хоть и выше среднего, но ненамного. Серая толстовка с надетым на голову капюшоном — так и осень стояла на дворе, даром что золотая. Серые же джинсы и кроссовки.

— Лица не разглядеть, — комментировала яга. — Поле не считывается.

— Но катану под толстовкой, вроде как, не прячет, — с сомнением смотрела уже удаляющемуся мужчине вслед Вита. — Разве что она у него складная.

Но неужели катаны бывают складными?

— Или у него не катана, а хлыст, — предположила баб Нюра.

Ага, острый как бритва и металлический. И такой, что всеми, кто за ним наблюдал, всеми, кто злодея искал — ведь наверняка не только Городовой занимался расследованием, это дело было конторского уровня — считался как катана.

— Или он не всегда ее носит с собой, — выдвинула новую версию Вита, — а только когда идет на дело.

Дело грязное и подлое.

— В любом случае, нам надо идти, — твердо сказала яга. — Сейчас мы осторожно выходим, ты твердишь заклинание, я сканирую окрестности. Как попадем домой, сразу уходишь к себе. И чтобы из здания своего, шпилем венчаного, ни ногой.

— А ты как же? — Девушке стало страшно за баб Нюру.

Как же она тут одна, когда рядом пасется убийца?

— Обо мне не тревожься, Витушка. Поверь, мне есть, чем урезонить супостата. А вот ты, повторюсь, чтобы из башни своей ни ногой.

«Ты говоришь как Городовой», — вздохнула про себя Вита.

Но вслух не сказала ничего. Да и не до того стало, чтобы норов юношеский показывать. Они с баб Нюрой покидали сетевой магазин. Ее делом стало твердить заклинание. *Мы не такие, мы ждем трамвай. Мы не такие…*

***

Оказавшись у себя в комнате, Вита молча села на кровать.

Какое-то время сидела, смотря в стену. В ушах стояло напутствие: «И перемещатор этот свой не снимай, даже спи в нем. В случае чего уйти сможешь».

Ага, не снимай. Вита протянула вперед руку и с сомнением посмотрела на телепортатор. С одной стороны, выглядело чудо магической техники как фитнес-браслет — никто и не заподозрит в нем сверхценный прибор. А с другой… Городовой предупреждал: пользоваться телепортатором только в исключительных случаях! Неужто таковой уже наступил?

Ответа на этот вопрос у Виты не было. А вот вопросы появились: откуда злодей узнает про то, кто где живет? Ему кто-то сливает информацию?

Или убивец не знает, кто из магов и фольклорных элементов где живет? Но тогда возникает другой вопрос: он что, ищет наобум? Вот прямо шерстит улицы одного из крупнейших мегаполисов в поисках людей с магическим геном и соответствующим полем?

— Да глупости это, — оборвала Вита саму себя.

Москов огромен, его, поди, годами обходить придется.

А может — похолодела Вита — он настолько сильный, что сам чует магов?

— …Ау! Вита-а!.. — забарабанила соседка в дверь. — Ты ту-ут?

— А где еще? — буркнула девушка.

Но с кровати встала и дверь открыла: она же, по легенде, из комнаты не выходила.

— Что-то срочное? — уставилась Вита на соседку с выражением невинного и заспанного изумления. — Меня что-то сморило…

— Наверное, погода меняется. — Для соседки Катьки дневной сон было дело святое. Но потом она вспомнила, что время уже, считай, вечернее, и наставительно изрекла: — После шести спать вредно.

— Ты права, — ухватилась Вита за предложенную тему. — Как представлю, что ночью спать не буду, так и…

Остаток фразы придумывать было не нужно. Для соседки и ночной сон был делом святым. Она оба сна соблюдала, уважала и почитала, но ночной сильнее. А потому любое упоминание о ночном бодрствовании повергало ее в шок и трепет, побуждая к автоматическому бегству с поля словесных прений — которые она всегда сама же и инициировала.

— Вот и славно, — констатировала Вита победу.

А потом довольная улыбка сползла с лица девушки. Близилось время вечерней тренировки. На которой, по предположению баб Нюры, могла появиться сущность.

***

В гимнастическом зале на цокольном этаже главного здания МГУ, где проходила вечерняя тренировка по айкидо, были только людские ауры. Гордые, скромные, добрые и не очень. Умиротворенно-зеленые, взбалмошно-оранжевые, тщеславно-карминные. Даже болезненно-коричневая наблюдалась, и Вита тут же зареклась вставать с обладателем этой ауры на отработку приемов: лекарских талантов за ней не водилось, помочь болезному она не могла. А вот сил тот на себя оттянуть мог, и изрядно.

Поэтому Вита отошла от болезного подальше и принялась подытоживать наблюдения: люди в зале есть, а сущность — нет. И, положа руку на сердце, в зале без сущности было как-то… пусто, что ли?

«М-да, подруга, — хмыкнула тогда мысленно Вита. — Приключений тебе, значит, на пятую точку для полного счастья не хватает?»

А может, ей просто хотелось услышать это *тора-гучи*? И чтобы кто-то, пусть и бестелесный, сказал: *мне нужно, чтобы у тебя получился прием*.

Или что-то в этом роде.

Как бы отвечая чаяниям Виты, скрипнула дверь, и на скамейке наблюдателей появился новенький. И хоть он был простой европейской внешности, но что-то в его облике было неуловимо-нездешнее.

«Точно из мультфильма про эпических героев каких вышел», — пользуясь тем, что тренировка пока не началась, разглядывала Вита незнакомца. Волосы русые, глаза цвета стали, отливающей небом, взгляд прямой и… то ли умудренный жизнью, то ли просто усталый. В плечах, вроде, и не косая сажень, но кажутся — шире некуда. И… Вита догадалась переключить зрение — посмотреть на ауру. Та полностью человеческой не была. Вплетались в нее какие-то странные пряди, не принадлежащие ни магам, ни фольклорным элементам.

И что делать? Внутренне заметалась девушка, не трогаясь, впрочем, с места. Если этот человек связан со знакомой ей по дендрарию сущностью, то, может, ей к нему подойти? Или подождать, пока сам себя не проявит? В дендрарии-то он подошел к ней сам.

«Может, и здесь со мной в пару встанет», — размечталась Вита.

А если это была другая сущность? Ведь по Москову разгуливает убийца, вдруг это он и есть? Но в том-то и было дело, что у Виты не возникало чувства угрозы…

«Не буду пока ничего делать, — решила тогда девушка. — А там, глядишь, и ситуация прояснится».

Поэтому, когда началась тренировка, Вита с облегчением подчинилась ее течению. А когда выдалась свободная секунда, и девушка смогла бросить взгляд на скамейку, странного парня на ней уже не было. Девушке ничего не оставалось делать, как продолжать тренироваться — уже без надежды позаниматься с сущностью.

Тренировка шла своим чередом. Разминка сменилась отработкой укеми — кувырком вперед ли, назад. Вита падала и вставала, падала и вставала. Потом пришла очередь суваривадза, того самого традиционного, сугубо нихонского перемещения на коленках — пока вхолостую, без отработки приемов. Вита перемещалась по-нихонски, а сама радовалась тому, что пролеченные и укрепленные специальным баб-нюриным снадобьем коленки позволяют ей эту шалость. А потом инструктор — или сэнсэй, как его тут все называли, даром что внешность он имел самую что ни на есть европейскую — посадил всех в линию и принялся демонстрировать технику. Вита смотрела, как он показывает *иккё*, и вздыхала: ей бы в дендрарий. Изучать техники под руководством сущности казалось более правильным.

А потом скрипнула дверь, и в зал вошел новенький.

И одновременно с его появлением Вита ощутила уже хорошо знакомое *присутствие*.

Глава 7
в которой Вита знакомится с Митей

Новенький выделялся.

Выделялся из общей массы тренирующихся в университетском зале, состоящей преимущественно из студентов и аспирантов.

Выделялся взглядом — спокойным, уверенным. И в то же время в нем считывалась готовность в случае возникновения серьезной опасности сразу же пойти на крайние меры.

Выделялся статью. Статью не книжного червя, не подиумного красавца, не накачанного бодибилдера — бойца.

Выделялся походкой. Словно тигр какой идет, — пришло сравнение к Вите, даром что походка новенького была вертикальной.

Выделялся самбовкой и трениками — на фоне одетых в кимоно занимающихся.

И только возрастом вновь пришедший не особо выделялся. На вид ему было лет двадцать пять. Но возраст лишь подчеркивал отличие новичка — от остальных двадцатипятилетних, присутствовавших в зале.

«И что он тут забыл?» — спрашивала себя Вита.

Ее вопросу вторил взгляд инструктора. Тот смотрел на парня, остановившегося у края татами. Спокойно ожидавшего, когда старший по должности к нему подойдет.

Так и случилось. Инструктор, исправив ошибки в технике у одного из обучающихся, чуть помедлил, будто в нерешительности, и направился к новичку. Вита, воспользовавшись паузой, уже переключила зрение, чтобы просканировать ауру незнакомца, как вдруг услышала знакомые интонации: *встанешь с ним в пару*.

И тогда девушка улыбнулась голосу как старому знакомому и мысленно, стараясь как можно четче, произнесла: хорошо.

О том, чем ей грозит отработка техники с таким партнером, Вита в тот момент не думала.

***

Вблизи новенький показался невысокой хрупкой девушке громилой. И не то чтобы росту в нем было как-то уж слишком много — максимум метр восемьдесят пять. А все равно — громилой.

И как с таким тренироваться? — Вита почувствовала, как подкатывает паника.

Да этот дяденька с тигриными глазами — не по цвету, они у него голубыми были, но по выражению — не заметит ее, пришибет и пиво пойдет пить. Или что такие, как он, пьют после тренировок в компании себе подобных?

А она…

«*Не бойся*», — пришла на помощь сущность.

И, как ни странно, на девушку ее подсказка подействовала. И потому, что она привыкла сущности доверять — по крайней мере в том, что касалось техники, а боевой настрой к ней тоже прилагался. Вдобавок девушке стало интересно: сущность еще и мысли читает? Или паника была написана у нее на лице?

«*Не отвлекайся на второстепенное*, — напомнил о себе призрачный наставник. — *У тебя серьезный противник*».

«А он тоже тебя сейчас слышит?» — Вита не могла не задать этот вопрос.

И получила четкий ответ: *нет*.

А потом инструктор показал *шомен-учи шихо-наге*, и девушка успокоилась окончательно. Во-первых, именно этот прием и именно с такой атакой она разучивала в парке под чутким руководством сущности. Во-вторых, *шихо-наге* был выгоден для нее, как более низкорослой, ведь исполняя его, надо было поднырнуть под руку противника. Что Вита и проделала. И хоть это была уже ее четвертая тренировка, а на предыдущей над ее техникой хорошенько поработала сущность, девушка не смогла не удивиться, когда в результате ее действий противник упал. Точнее, мягко перекатился, встал на ноги и атаковал снова — предельно аккуратно.

Потом пришла ее очередь атаковать партнера, и Вита снова испугалась: а ну как сейчас открутит ей запястье! Но страх оказался напрасным: парень прекрасно понимал, какой хрупкий ему достался противник, и действовал соответственно. И кисти рук не отвинчивал, и технику, когда приходил черед Виты, давал на себе провести. И, если сперва сильно поддавался, то по мере того, как Вита все увереннее и увереннее делала приемы, начал сопротивляться — не сильно, как раз по силам девушки.

Вита что-то похожее уже проходила — днем раньше, в сгущающихся сумерках дендрария.

Но потом инструктор объявил следующий прием, *котэ-гаэши*, и Вита опять испугалась, ведь его она в парке не отрабатывала.

«*Не бойся*, — услышала тут же. — *Просто следуй моим указаниям*».

И Вита последовала, и все повторилось: ее изумление тому, что противник, которого она по-прежнему считывала как громилу, упал. А перед этим она, хоть и под чутким руководством сущности, смогла вывести его из равновесия и завернуть ему кисть на нихонский лад.

— А ты молодец, — открыл рот молчавший до этого парень. — Меня Митей звать.

Он, до этого просто берегший хрупкую противницу, начал поглядывать на нее с уважением. Виту даже совесть кольнула: ведь оценка ее талантов заслуженной не была. Не обрати на нее внимание сущность, которой вот прямо вынь да положь понадобилось, чтобы девушка научилась чистой и работающей технике, Вита сейчас выполняла бы приемы совсем по-другому.

Но все на свете когда-нибудь заканчивается. Завершилась и эта странная тренировка. Вита поблагодарила Митю по нихонской традиции, но с вполне русской искренностью: ведь побывала в медвежьих лапах и уцелела! Митя тоже сказал свое веское спасибо, и они разошлись по раздевалкам.

***

Вита была уверена.

Уверена, во-первых, в том, что Митя — человек. Уж это она проверила, и перепроверила не один раз.

Во-вторых, в том, что она его больше не увидит: зачем такому, как он, посещать университетские тренировки? Что они могут ему дать?

Однако было и то, в чем девушка уверена не была. Например, в том, что Митю привела на тренировку именно сущность. Равно как и в том, что сущность в Митю вселялась, чтобы привести его в зал, а потом покинуть и начать ее, Виту, наставлять. Не слишком ли сложный маневр? Даром что ощущение того, что ее догадки верны, у девушки было.

Но вот в чем Вита была уверена на двести процентов, так это в том, что события требуют осмысления. Вот Вита и старалась переодеться поскорее, чтобы оказаться наконец у себя в комнате. Принять душ, надеть любимый флисовый костюм и, налив чай в кружку с мышью — в честь Мыша, разумеется, — приступить к решению заданной жизнью задачи.

Но жизнь часто вносит в планы коррективы, внесла и на этот раз. Первым, кого Вита увидела по выходу в фойе, оказался Митя — в синих джинсах, ветровке и кроссовках. Считывался как боец даже в этой насквозь городской одежде.

«И в то же время, — вдруг с удивлением поняла девушка, — люди от него разбегаться не будут».

Потому что… они его не заметят. И как парню удавалось сочетать в себе две настолько разные категории одновременно, Вита не понимала.

— Я хотел тебе задать несколько вопросов. — Митя шагнул к девушке. — Не против?

— Хорошо, только отойдем отсюда, — предложила Вита. — На втором этаже можно спокойно посидеть, и охранники не потревожат.

Она не думала, почему так сказала: просто ей казалось, что этот разговор не на пять минут. Вдобавок она была местной, а потому автоматически предложила наилучший для ситуации вариант.

— Принимается, — со странной усмешкой согласился Митя. — Вижу, ты хорошо ориентируешься в этом здании.

— Боюсь, не могу похвастать тем, что знаю здание достаточно хорошо, — говоря так, Вита душой не кривила.

У нее, студентки спецфакультета, был так называемый второй уровень доступа. Благодаря ему — и специальным якобы-студенческим корочкам — она попадала в аудитории, расположенные в четырех башнях на крыше. И на этаж Городового сегодня поднялась и даже прошла беспрепятственно в его кабинет. Для всех остальных студентов башни служили общежитием, и о наличии дополнительных этажей «простые смертные» не догадывались.

Но сколько еще уровней доступа было в МГУ?

— Ну вот, пришли. — Вита указала на мраморный парапет рядом с памятником Менделееву. — О чем ты хотел меня спросить?

Митя, казалось, хотел знать если не обо всем на свете, то о многом. Сколько лет Вита тренировалась, где тренировалась, чем еще занималась, кто были ее учителя.

Прослушав весь пул вопросов до конца, девушка растерялась, даром что внешне ничем этого не показала. Вот выложит она все как на духу. Что занималась только айкидо и давешняя тренировка была всего четвертой по счету от прихода в зал. И?..

Хотя, признаться, удивить конкретно этого парня, очевидно, что много чего повидавшего на своем навскидку двадцатипятилетнем веку, ей хотелось.

Или ему было не двадцать пять, а он просто выглядел молодо — телом. Но не душой. Душой он был чуть ли не ровней баб Нюре, как не поняла — почувствовала девушка. И ровней не в магическом смысле и не в личностном. Чувствовался в нем, как и в яге, крайне разнообразный житейский опыт — по интонациям, по реакциям на ее слова. Да много по чему. Вот Вите и хотелось его удивить своим реальным тренировочным стажем. И одновременно что-то ее тормозило, не давало этого сделать.

И вот что удивительно: уклончивые ответы Виты на вопросы где, как, чем и у кого она занималась, Митя воспринял так, будто иного и не ожидал услышать. И начал задавать другие вопросы: где она учится?

— На физфаке, — мысленно ругая себя за вранье, ответила девушка.

Откровенничать о спецфакультете она готова не была. А потому задала встречный вопрос — о профессии. И получила на него столь же уклончивый ответ: военный, занимался самбо.

— И много чем еще, — после паузы добавил Митя.

Впрочем, Вита и не хотела ничего выпытывать, ей просто было интересно общаться с этим парнем, даже на уровне утаивания обоими информации. Отвечать на вопросы, задавать

их самой, слушать ответы собеседника и понимать: ему тоже интересно с ней общаться. И ей было жаль, что они оба не могут раскрыться, и что, наверное, скоро придется расходиться, ведь больше поверхностных тем для беседы-знакомства у нее не осталось.

И тут у Мити зазвонил телефон, и тот отошел поговорить.

***

Митя отошел подальше, но Вита все равно слышала его односторонние реплики — что-то о том, что надо или не надо ехать. А потом он четко спросил: она хоть красивая?

И Вита напряглась — подумала, что Митя сейчас уедет к той красивой девчонке. И хотя у нее не было не то что мыслей насчет Мити в роли своего парня — даже поползновений об этом подумать — а все равно стало неприятно. Но вот парень отбил звонок, и девушка уже приготовилась прощаться, как снова почувствовала *присутствие*.

«*Задержи его*», — послышались знакомые интонации.

«И как?» — озадачилась Вита.

«*Придумай*».

«Ты уверен?» — хотела было возмутиться девушка, но не успела. К ним направлялся вооруженный автоматом охранник.

В любое другое время Виту его вид не насторожил бы, ведь автоматы охраняющих на входе в главное здание с началом военных действий стали нормой (а времена пожилых вахтеров канули в Лету). Хотел ли охранник проверить документы — и тем самым право находиться в здании? Или напомнить о том, что время позднее, и пора бы и честь знать. Вита об этом не думала — смотрела на то, как меняется взгляд Мити. И понимала: «Все. Конец охраннику».

А следующей мыслью девушки — мыслью навязчивой, повторяющейся, транслируемой вовне — стало: *я не такая, я жду трамвая, и он — со мной. Я не такая…*

На охранника баб-нюрино заклинание подействовало. Не доходя до Мити нескольких шагов, охранник развернулся и ушел.

Девушка с шумом перевела дух.

— Ты испугалась? — Митя с интересом смотрел на нее.

— За охранника, — брякнула толком не пришедшая в себя и, чего греха таить, порядком растерявшаяся Вита.

И сущность просила задержать собеседника, а она даже не представляла себе, как. И девица ее собеседника какая-то красивая дожидалась, судя по одностороннему разговору. И…

— Я что, настолько страшный? — наконец нашел слова Митя.

И Вита не нашла, что на это ответить — просто пожала плечами и улыбнулась. А сквозь улыбку с сожалением подумала: нет, она не знает, как задержать этого парня. А потому сущность обойдется. А ей самой придется заканчивать этот разговор.

Вита уже открыла рот…

— Говорят, с крыши этого здания открывается какой-то особенный вид? — как бы невзначай осведомился Митя.

— Еще какой! — Правду было говорить легко и приятно. — А ты что, хочешь посмотреть?

— Да, — просто сказал парень. И добавил: — Ты прости, что я твое время отнимаю. Просто собраться с мыслями надо.

«Та девица что, настолько красивая, — мелькнула у Виты непрошенная мысль, — что тебе надо собраться с силами, чтобы к ней поехать?»

Но вслух девушка произнесла совсем другое:

— У меня есть время. Нам к лифтам.

***

Они забрались на башню над часами, устроились вдвоем на пятачке метр на метр. Нагретая днем металлическая крыша не успела толком остыть, и сидеть было комфортно. С крыши открывался вид — на дендрарий, в котором Вита первый раз занималась с сущностью. А если перевести взгляд правее, то на аллею с фонтанами и скульптурами ученых. И, наконец, на вечерний, сияющий огнями город.

— А ты неплохо лазаешь. — Митя не делал комплиментов — просто констатировал факт. — Ты занимаешься скалолазанием?

— Нет. Просто я не один и не два раза сюда залезала. Это мое место.

Это была чистая правда, и девушка была рада, что наконец-то не надо врать. А то, получается, она пока не сказала ни факта правды — ни про тренировки, ни про факультет.

— Это хорошее место, — произнес Митя.

Девушка не видела лица парня, она смотрела на город. Но чувствовала — по интонации, по шибанувшей волне душевного тепла, что Митя улыбается. А потом волна тепла ушла, и девушке захотелось ее вернуть. Вот просто так вернуть. Не только потому, что это было ее место, и ей тут было хорошо. Вите хотелось, чтобы ее спутнику было хорошо тоже.

— Тебя что-то тревожит? — спросила она.

— И да, и нет, — ответил парень. — Так, небольшие проблемы бытового характера.

— Бытового? — Вита повернула голову и посмотрела на собеседника. Не вязался тот, вот совсем не вязался с тем, у кого быт вызывает проблемы.

— Да! — махнул рукой Митя.

И махнул с досадой. Такая, — попыталась перевести ее на доступный ей язык Вита, — бывает, когда внезапно рушатся планы. Именно планы — не один и не два.

— Так что случилось-то? — спросила тогда Вита. И поспешно добавила: — Нет, если не хочешь, ты не говори. Просто, если проблема действительно бытовая, то… Знаешь, говорят, что в ГЗ можно найти что угодно. Вот прямо как в Элладе.

— В ГЗ? — нахмурился парень. — А, понял! В главном здании. — Он усмехнулся. Немного помолчал. А потом решился — как в воду холодную кинулся: — Просто мне, так получилось, негде переночевать. В место моей дислокации хозяин привел ба… женщину.

— Ага, — начала прозревать Вита. — Ту самую, красивую?

— Ее, — усмехнулся Митя. — Вот поэтому мы с тобой сейчас тут и сидим. Но ты не переживай, я скоро соберусь с мыслями и уйду.

— А зачем тебе куда-то идти? — Вита вообще не понимала, в чем проблема. — Это же ГЗ! Тут все корпуса, кроме башни со шпилем — общага. Найдем, где тебе переночевать.

— Ну… — Митя с сомнением смотрел на девушку.

— В блоке напротив, по идее, место пустует, — начала перечислять девушка. — Там Гарик толком не живет, все время в Научграде пропадает. И у Кольки можно, но у него студенческий блок. Студентов по двое селят, но сосед Кольки, по слухам, до сих пор от дедов в деревне не уехал. И… — Вита запнулась, но потом решилась. — И у меня можно, наконец. Правда, у меня самодельный второй этаж, места мало, зато никого напрягать не придется.

А то, что соседка потом замучает двусмысленными вопросами, можно пережить. Сама она считала по ауре собеседника, что тот человек порядочный, и ей этого было достаточно для приглашения в гости.

— Мне… — начал было говорить Митя, и девушка внутренне сжалась. — Мне очень неловко, если честно. Но ты меня и впрямь очень выручишь, если пригласишь к себе.

— Вот и замечательно, — улыбнулась Вита. — И просить никого не надо. У меня, правда, с разносолами небогато, но чем поужинать, найдется.

Они еще немного посидели, любуясь на вечерний город, а потом начали спускаться вниз.

Глава 8
в которой снова появляется сущность

— Это я не сама сооружала. — Вита смотрела на антресоли так, как будто увидела их впервые.

Да, она заметила, что те, вроде как, занозистыми были. Но чтобы настолько? Как на них залезать-то?

— То, что надо! — Митя откровенно обрадовался, когда увидел чудо-сооружение. — И тебя не стесню особо, и посплю как белый человек. Ну а чтобы отработать ночлег, я предлагаю тебе отдохнуть. А я нам пока что-нибудь соображу на ужин.

— Плита общественная, по выходу из блока пойдешь направо, кухня сразу за комнатой «908». Холодильник здесь, в прихожей. — Вите импонировало предложение Мити. После тренировки очень хотелось в душ. Да и переодеться не мешало. — Моя полка средняя. На ней яйца, сыр и пирог в бумажном пакете. Там что-то еще вроде пары вареных картофелин, кажется, было… В общем, бери все, что найдешь на полке. Сыр не режь только весь, оставь немного Мы… А вот и он!

Из-за двери шкафа высунулся любопытный нос. Высунулся и тут же убрался обратно.

— Это он пока меня стесняется. — Митя со странным выражением на лице смотрел — то на дверцу шкафа, за которой скрылся мелкий грызун, то на хозяйку комнаты. — Ничего, это у него пройдет. …А теперь ты отдыхаешь, а я заступаю в наряд.

Вита без возражений отправилась в душ.

***

Вита стояла под струями воды и думала: а ничего, что она пригласила на ночлег полузнакомого громилу с глазами если не убийцы, то близко к тому?

Сейчас, когда девушка осталась в одиночестве, к ней пришли те вопросы, которые должны были это сделать раньше. Какие-то — о том, что приличные девицы так не поступают, — Вита отмела. Приличные девицы и тренировки по айкидо, поди, не посещают, и через заборы не лазают, и сущностей не слушаются.

…Кстати, о сущности. Вот зачем ей — или это был он? — понадобилось, чтобы она задержала Митю? И ведь не объявлялась сущность после того, как она выполнила ее указание. И что она теперь будет с ее протеже делать?

О том, в каких выражениях прокомментировала бы ее выкрутасы баб Нюра, Вите даже думать не хотелось.

— Пригласила уже, — размышляла девушка вслух. — Не выгонять же теперь? Ужин, опять же, парень готовит. Переночуем, а там видно будет.

С тем девушка и выключила воду.

Яичница с остатками поджаренной картошки, сдобренная сыром и зеленью, пошла на ура. Поскольку импровизированный стол — два стула и доска между ними — был совсем небольшим, ели столовыми ложками прямо из сковородки.

— Очень вкусно, — не покривила душой девушка. И вдруг улыбнулась: — Как хорошо, что ты сегодня пришел на тренировку. Вот кто бы еще меня такой вкуснотищей угостил?

— А ты знаешь, это ведь случайно вышло, — задумчиво произнес Митя. — То, что я пришел на тренировку, в смысле. Я собирался почитать… одну книжку, в общем. Достал ее, раскрыл… И тут мне в голову, вот прямо ни с того ни с сего приходит мысль: а не поехать ли мне в МГУ на тренировку?

— И ты поехал? — Вита спрашивала, а сама думала: похоже, это — проделки сущности.

И где, кстати, она?

Или это все-таки был «он»?

— Ты знаешь, поехал. — Митя не стал рассказывать, как он, сам не зная почему, заглянул на верхнюю полку шкафа квартиры, в которой он остановился в Москове.

Квартира эта была его друга Лешки Мякишева; Митя в ней останавливался и раньше, но сути это не меняло: квартира была чужой. Где, а главное, что в ней находится, Митя толком не знал. Словно со стороны наблюдал он, как его рука уверенно тянется к крайнему правому из трех обнаружившихся на полке полиэтиленовых пакетов. В пакете оказались видавшие виды самбовка и треники — наверняка времен прекрасной молодости Лешки. И то, и другое Мите по размеру подошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.